

The background of the cover is a stylized, painterly illustration of a man in a dark, double-breasted trench coat and a peaked cap, walking towards the viewer. He has a serious expression and is holding a thin cane in his left hand. On his right sleeve, a red armband with a white emblem is visible. To his left, the rear of a dark vintage car is partially shown. In the background, a tall clock tower with a pointed roof and a clock face is visible, set against a hazy, blue-toned cityscape. The overall style is reminiscent of mid-20th-century pulp magazine covers.

ЛЕН ДЕЙТОН

**БРИТАНСКИЕ
СС**

Лен Дейтон
Британские СС

«АСТ»

1978

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дейтон Л.

Британские СС / Л. Дейтон — «АСТ», 1978

ISBN 978-5-17-101078-2

Ноябрь 1941-го. Бои отгремели. Война окончена. Британия оккупирована фашистами... Что это? Сбывшийся кошмар? Нет! Это роман Лена Дейтона – классика альтернативной истории. По этой книге Би-би-си сняла сериал, уже вышедший на экраны в Великобритании. Дуглас Арчер, инспектор сыскной полиции в Лондоне. Хотя теперь начальство у Скотленд-Ярда другое, Арчера угрызения совести не мучают – кто-то же должен ловить убийц, а в политику он не лезет. Но вот однажды утром Арчер начинает расследовать одно загадочное убийство, которое выведет его и к британскому Сопротивлению, и к разведкам разных держав, и в итоге – к очень большой политике.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101078-2

© Дейтон Л., 1978
© АСТ, 1978

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лен Дейтон Британские СС

**Len Deighton
SS-GB**

© Len Deighton, 1978

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

*Народ Англии преисполнен любопытства. Все спрашивают:
«Почему же он не приходит?» Спокойствие. Спокойствие. Он идет.
Он идет!
Адольф Гитлер, 4 сентября 1940 г.
Выступление на демонстрации медицинских и социальных
работников в Берлине*

Акт капитуляции – английский текст

Относится ко всем британским войскам в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, включая все острова.

1. Британское командование объявляет о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, включая все острова, а также зарубежные военные формирования. То же относится к Королевскому флоту во всех частях света, как в плавании, так и в портах.

2. Все военные действия британских вооруженных сил на суше и на море должны быть прекращены к 19 февраля 1941 г. к 08-00 часам по Гринвичу.

3. Отныне британское командование будет неукоснительно и без обсуждений выполнять все приказы немецкого командования по любым вопросам.

4. Противодействие приказам или их невыполнение будет расцениваться как нарушение настоящего акта и повлечет за собой меры по законам военного времени.

5. Настоящий акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным германским командованием или от его имени, применимым к Соединенному Королевству и объединенным нациям.

6. Настоящий акт составлен на немецком и английском языках. Только немецкий текст является аутентичным.

В случае любых споров о трактовке настоящего акта капитуляции приоритетное решение остается за немецким командованием.

Глава 1

– Георга посадили в Тауэр эсэсовцы Гиммлера, а немецкие генералы считают, что стержень короля должна армия, – брюзгливо произнес Гарри Вудс.

Его коллега воздержался от комментариев, даже не подняв глаза от бумаг. Каучуковый штемпель оставил на очередном документе отпечаток: «Скотленд-Ярд, четырнадцатое ноября тысяча девятьсот сорок первого года». Невероятно. Прошло всего два года с того дня, как началась война. И все уже кончено. Бои отгремели. Страна проиграна. Бумажной работы теперь столько, что документы едва умещаются в две обувные коробки, отведенные под входящие и исходящие. Туфельки «Дольчис», шестой размер, на узкую ногу, лакированная кожа, высокий каблук. Инспектор сыскной полиции Дуглас Арчер знал только одну женщину, которая могла бы носить такие. Свою секретаршу.

– Ну, по крайней мере, слухи такие ходят, – добавил Гарри Вудс, пожилой сержант, вторая половина «убойного отдела».

Дуглас Арчер подписал документ, переложил его в другую стопку и поднял голову. Кабинет у них с Гарри был убогим и запущенным. Стены, когда-то выкрашенные в зеленый и белый цвет, потемнели от времени, а стекла подслеповатых окон покрывал такой слой грязи в дождевых разводах, что даже днем приходилось включать электрическое освещение.

– Не стоит крутить шашни на работе, – посоветовал Гарри, хотя советовать было уже поздно.

Любой другой на его месте – человек не такой бесцеремонный, не такой словоохотливый, не такой добродушный – на этом бы и остановился. Но только не Гарри. Гарри сделал вид, что не замечает холода в улыбке начальника, и продолжил гнуть свое:

– Есть же на кого посмотреть! Вот хоть блондинка из канцелярии. Или немка эта грудастая из связей с СС, она, по слухам, дама легких нравов. Но чтоб со своей же секретаршей...

– Ты уделяешь слишком много внимания слухам, Гарри, – спокойно заметил Дуглас Арчер. – Вот в чем твоя беда.

– Нет уж, шеф, нельзя уделить слухам слишком много внимания, если работаешь в полиции, – парировал Гарри Вудс, ничуть не смутившись. – А ты бы, если б глаза свои разул, сам бы все понял. Детектив-то ты отменный, но просто диву даешься, до чего скверно ты разбираешься в людях. Вот в чем твоя беда.

Более ни один сержант не осмелился бы говорить с Дугласом Арчером в такой манере, однако Гарри пользовался особым отношением. В конце концов, они знали друг друга еще с начала двадцатых. В то время Гарри Вудс был статным молодым констеблем с военной медалью на груди; хорошенькие юные горничные сами подносили ему свои сердца, а престарелые кухарки – мясные пироги. Дуглас Арчер, девятилетний мальчишка, гордился тем, что такой человек говорит с ним как с равным и все это видят. А когда Дуглас поступил на службу младшим инспектором напрямую из Хэндонского колледжа полиции, именно Гарри Вудс взял его под свое дружеское покровительство – а ведь тогда юных обладателей элитных дипломов в полиции было принято всячески шпынять.

Гарри знал все, что следовало знать полицейскому, и даже больше. Он помнил, в каком часу какой ночной сторож ставит чай. Во время дождя он за минуту находил котельную, в которой можно погреться. Он всегда был в курсе, под какой кучей мусора найдутся спрятанные деньги, но никогда не брал больше трети – чтобы не вынуждать владельцев кафе и лавок искать другой способ приплачивать дворникам за дополнительную работу. Впрочем, все это осталось далеко позади; благодаря щедротам вест-эндских кабатчиков Гарри отраслил живот и приобрел кирпичный цвет лица – причем раньше, чем целеустремленность при-

вела Дугласа Арчера в департамент уголовного розыска, а затем в «убойный отдел» Скотленд-Ярда.

– На участке «С» труп, – сообщил Гарри. – Остальные заняты. Ну что, мешок для тела готовить?

Дуглас понимал, что от него ожидается удивление, и вскинул бровь.

– Тебе-то откуда это уже известно?

– Квартира в районе Шепард-Маркет, набитая виски, кофе, чаем и всем таким прочим, на столе – россыпь талонов люфтваффе на горючее. Жертва – хорошо одетый мужчина, вероятно, промышлял на черном рынке.

– Думаешь?

Гарри улыбнулся.

– Помнишь парней, которые прихлопнули управляющего складом в Фулхэме? Они подделывали талоны на горючее. Может, и этот из их шайки.

– Гарри, ты мне скажешь, откуда у тебя информация, или ты настроен прямо сейчас раскрыть это убийство, не вставая из-за стола?

– Участковый сержант на Сэвил-Роу – мой давний собутыльник. Только что мне позвонил. Труп обнаружили соседи и вызвали полицию.

– Спешки нет, – твердо произнес Дуглас Арчер. – Никуда бежать мы не будем.

Гарри закусил губу. По его мнению, шеф вообще никогда никуда не спешил. Гарри Вудс был полисменом старой закалки. Он презирал картотеки, микроскопы и переключивание бумагонок. Ему больше нравилось общаться с людьми, пить, проводить допросы и аресты.

Тридцатилетний Дуглас Арчер, стройный и высокий, принадлежал к новому поколению детективов, отказавшихся от негласной униформы «убойного отдела» Скотленд-Ярда – черного плаща с воротником-стойкой, брюк в тонкую полоску и котелка. А носил он темные рубашки и широкополую шляпу – вроде той, что была у Джона Рафта в гангстерских кинофильмах. В завершение образа он пристрастился к курению маленьких черных манильских сигар – так часто, насколько хватало пайка. Вот и теперь инспектор в третий раз пытался раскурить очередную – табак был скверного качества и норовил погаснуть. Зря потратив последнюю спичку, он огляделся по сторонам, и Гарри перебросил ему коробок.

Дуглас был истинным лондонцем и обладал многими присущими этому племени качествами – то есть был сметлив, изобретателен и, как говорится, себе на уме. Хотя, как и многие из тех, кто рос без отца, был склонен к некоторой закрытости и отстраненности. Негромкий голос и оксфордский акцент, пожалуй, больше соответствовали бы какой-нибудь кабинетной работе, но Дуглас ни разу не пожалел, что выбрал полицию. И знал, что во многом этому способствовал Гарри. Для одинокого богатого мальчика констебль Гарри Вудс, сам того не подозревая, стал заменой отца.

– А если купоны не поддельные? – спросил Дуглас. – Если они настоящие? Тогда тут замешан немецкий персонал, и дело все равно в итоге перенаправят в военно-полевой суд люфтваффе в Линкольнс-Инн. А мы только зря потратим время.

– Это убийство, – веско заметил Гарри. – Кучка талонов на горючее погоды не сделает.

– Это закон, Гарри. Давай попробуем защитить хотя бы ту его часть, которая нам предписана. Все преступления, в которые так или иначе вовлечен персонал люфтваффе, рассматриваются судами люфтваффе.

– Надо успеть раньше! – В волнении Гарри пригладил пятерней шевелюру, которая все равно продолжала торчать во все стороны. – Выбьем из этого гада признание и отправим в письменном виде в тайную военную полицию и комендатуру – примите, с глубоким почтением! А иначе немчура опять закроет дело «за отсутствием улики» или переведет виновных на какую-нибудь непыльную работенку за границей!

Гарри никогда не сдавался. Люди его поколения – те, кто воевал и победил на полях Фландрии, – не признавали поражений. Однако Дуглас Арчер никогда не был солдатом. Он любил свою работу и собирался выполнять ее, пока немцы позволяют.

– Попрошу придерживаться официальной терминологии, а свое личное мнение держать при себе. – Дуглас постучал пальцем по кипе полицейских сводок. – Лично я далек от заблуждения, что они попустительствуют своим. В прошлом месяце пятерых казнили. Причем одного – майора танковой дивизии с Рыцарским крестом – всего лишь за часовое опоздание на смотр военной техники. – В подтверждение своих слов он шлепнул всю кипу Гарри на стол.

Гарри поднял на него глаза.

– Ты что, правда все это читаешь?

– И тебе бы следовало. Тогда бы ты знал, что генерал Келлерман теперь проводит летучки с персоналом уголовного розыска по вторникам в одиннадцать часов, то есть очередная состоится через десять минут.

– А все потому, что старый хрен имеет привычку слишком много выпивать за обедом. А после, когда возвращается из офицерского клуба, не в состоянии вспомнить по-английски ничего, кроме «заффтра, заффтра»!

И Гарри Вудс не без удовольствия отметил, как Дуглас непроизвольно покосился по сторонам – не слышал ли кто эту тираду.

– Так или иначе, факт остается фактом, – осторожно проговорил Дуглас. – Келлерман ждет моего отчета. И вряд ли он сочтет уважительной причиной для опоздания раскрытие убийства, которое нас еще не пригласили расследовать.

Он встал и принялся собирать нужные бумаги.

– А я бы послал его к чертям, – заявил Гарри. – А я бы сказал ему, что работа прежде всего.

Дуглас Арчер вынул из зубов сигару, бережно затушил и убрал в верхний ящик стола в компанию к лупе, билетам на давно пропущенный концерт и сломанной чернильной авторучке.

– Келлерман не так уж и плох, – пожал он плечами. – Все-таки при нем полиция Большого Лондона сохранилась в более или менее неизменном виде. Ты уже забыл, как сюда хотели посадить немецких комиссаров? Келлерман не позволил.

– Конечно, это ведь конкуренция, – пробурчал Гарри. – А Келлерман не выносит конкуренции.

Дуглас сунул свой доклад и прочие документы в портфель и щелкнул замком.

– На тот маловероятный случай, если все же позвонят с Вест-Энда и пригласят нас, держи наготове мешок для трупа и автомобиль закажи. И передай, чтобы фотограф оставался на месте, пока я его не отпущу. И врач тоже. И патологоанатом.

– Господину врачу это не понравится.

– Благодарю, Гарри, за ценное замечание. Отправь господину врачу от меня пачку таблеток, унимающих боль от шила в заднице, и напомни, что ты звонишь с номера «Уайтхолл-двенадцать-двенадцать», из штаб-квартиры криминальной полиции, полиции порядка, полиции безопасности и гестапо. Все жалобы по поводу долгого ожидания пусть направляет в перечисленные организации в письменной форме.

– Ну-ну, чего разошелся-то? – буркнул Гарри.

Зазвонил телефон. Бесстрастный голос личного помощника Келлермана передал инспектору Арчеру наилучшие пожелания от генерала и поинтересовался, когда ему будет угодно представить господину генералу свой отчет.

– Сию секунду, – ответил Дуглас и положил трубку на рычаг.

– Яволь, герр майор! Целую вас в зад, герр майор! – пропел Гарри.

– Господи, да сколько можно! – не выдержал Дуглас. – Уж ты бы помолчал! Мне приходится иметь с ними дело напрямую. Тебе – нет.

– И все равно. Ты лижешь им задницы.

– А сколько, по твоим подсчетам, задниц пришлось облизать, чтобы убрать фамилию твоего брата из приказа о депортации?

Это вырвалось случайно. Дуглас не собирался ставить Гарри в известность и теперь был на себя очень зол.

– Его вычеркнули, потому что он принес заключение от врача! – выпалил Гарри, но по глазам было видно, что он уже все понимает; большинство техников, отправляемых на немецкие фабрики, могли показать какую-нибудь бумажку от сочувствующего медика.

– Ну... это тоже помогло.

– Я не знал, Дуг... – проговорил Гарри, однако Дуглас уже быстрым шагом поднимался на второй этаж. Немцы очень трепетно относились к пунктуальности.

Глава 2

Генерал – или в терминологии СС «группенфюрер» – Фриц Келлерман, давно разменявший шестой десяток, всегда имел благодушный вид. Роста он был среднего, однако вследствие любви к хорошей еде и выпивке приобрел некоторую полноту и не сходящий с лица румянец. Все это вкупе с привычкой стоять, заложив обе руки в карманы, могло создать у стороннего наблюдателя иллюзию, что Келлерман – толстый коротышка, и зачастую именно так его за глаза и описывали. Подчиненные звали его «фатер». И все же для получения более распространенного прозвища «папа» благодушия его с очевидностью не хватало. Видя седую шевелюру, не один молодой офицер опрометчиво согласился на предложение генерала составить ему компанию на утренней пробежке через парк. Мало кто соглашался на этот подвиг во второй раз. И лишь новички рисковали сыграть с ним партию в шахматы – в юности генерал был чемпионом Баварии. «Что ж, сегодня удача мне улыбнулась», – скромно говорил он противнику, нанеся ему унизительное поражение.

До победы Германии Дугласу редко приходилось бывать в этом кабинете на втором этаже. Комната с эркером прежде использовалась только комиссаром полиции. Затем она перешла в распоряжение Келлермана, стоявшего во главе полиции всей оккупированной страны. Теперь Дуглас часто заглядывал сюда с отчетом, и ему, наряду с несколькими другими сотрудниками, была пожалована привилегия входить не через приемную с секретарем, а напрямую, через отдельную дверь. Прежде через нее в кабинет допускались лишь заместители комиссара. Генерал Келлерман называл это частью «принципа вождизма». Гарри Вудс называл это пылью в глаза.

В ведении нового владельца кабинет комиссара полиции почти не изменился. В углу стоял массивный письменный стол красного дерева, за ним стул – спинкой к эркерному окну, которое давало рабочему месту освещение со всех сторон и открывало великолепный вид на реку. На широкой мраморной каминной полке каждые полчаса отбивали время пышно изукрашенные часы, за изогнутой решеткой пылал огонь, отбрасывая блики на полированную медную поверхность каминных приборов и ящика для угля. Пожалуй, единственное замечное нововведение представлял собой плывущий по дальней стене косяк рыб, заключенных в стеклянные коробки. Под каждым чучелом золотом было выбито имя Фрица Келлермана, место и дата поимки.

В кабинете ожидали двое в военной форме. Дуглас застыл на пороге.

– Входите, инспектор, входите, – пригласил его Келлерман.

Незнакомцы переглянулись и обменялись кивком. Англичанин подходил им идеально. Мало того, что его называли лучшим детективом отдела убийств, он к тому же был молод, атлетически сложен и имел бледное угловатое лицо, что среди немцев считалось признаком породы. Он был «немецкого типа», превосходный экземпляр «нового европейца». Да еще и блестяще знал язык.

Один из военных взял со стола Келлермана блокнот.

– Еще один снимок, генерал.

Второй достал неизвестно откуда фотокамеру «лейка» и опустился на колени, глядя в видоискатель.

– Пожалуйста, вместе с инспектором смотрите на какие-нибудь бумаги или карту... ну сами понимаете!

На обшлагах рукавов серой униформы Дуглас заметил нашитые ленты. Рота пропаганды вермахта.

– Нам следует их послушаться, инспектор, – заметил Келлерман. – Эти ребята из журнала «Сигнал». Приехали поговорить с нами аж из самого Берлина.

Испытывая неловкость, Дуглас обошел письменный стол и стал изображать, что внимательно читает что-то на передовице «Таймс», тыкая пальцем в газетную страницу. Чувствовал он себя при этом совершеннейшим болваном; Келлермана подобный цирк, очевидно, ничуть не смущал.

– Скажите, инспектор Арчер, – произнес один из журналистов по-английски с сильным акцентом, – правда ли, что здесь, в Скотленд-Ярде, люди называют генерала Келлермана «отцом»?

Дуглас не ответил, в попытках выиграть время делая вид, что старательно позирует.

– Вы что, не понимаете, что своим вопросом ставите инспектора в неудобное положение? – одернул его Келлерман. – И давайте уже общаться на немецком, инспектор владеет им не хуже меня!

– Так это правда? – настаивал журналист, желая получить ответ у Дугласа.

Щелкнула камера. Фотограф сменил ракурс и сделал еще пару кадров подряд.

– Разумеется, правда, – вскипел Келлерман. – Вы считаете меня лжецом? Или, может, таким начальником, который не знает, что делается у него под носом?

Журналист окаменел, фотограф опустил камеру.

– Да, это правда, – подтвердил Дуглас.

– А теперь, господа, у меня работа. – И Келлерман без особых церемоний выставил их вон, как старушка прогоняет нахальных кур, забредших к ней в спальню. – Прошу меня извинить, инспектор. Попросили пять минут, но все это как-то слишком затянулось. Впрочем, такова суть их работы – использовать всякую возможность, любыми путями всюду пролезть. – Он прошел назад к столу и сел. – Ну, мой мальчик, излагайте. Что у нас тут происходит?

Дуглас зачитал доклад, где необходимо делая отступления и объясняя подробно. Келлермана больше всего заботил вопрос обоснованности трат, и Дуглас всегда составлял отчеты таким образом, чтобы было понятно, куда идут ресурсы департамента, причем переводил все расходы в оккупационные марки.

Когда с формальностями было покончено, Келлерман открыл хьюмидор. На черном рынке сигары шли по пять оккупационных марок за штуку, так что кубинская «монтекристо» размера «два» могла считаться весьма достойным поощрением. Келлерман тщательно выбрал пару штук – как и Дуглас, он больше всего ценил те, на которых виднелись зеленые и желтые пятнышки. Не спеша обрезал, аккуратно убирая торчащие волокна табачного листа. Как обычно, на генерале был безукоризненный твидовый костюм, из жилетного кармана свисала цепочка золотых часов. Следовало ожидать, что он не наденет форму даже по случаю визита журнального фотографа. И, как и многие люди его поколения в высших эшелонах немецких войск, он предпочитал армейские звания громоздкой номенклатуре СС.

– Все еще никаких вестей о вашей жене? – Келлерман обошел стол, чтобы вручить Дугласу сигару.

– Думаю, можно с уверенностью предположить, что она погибла. Во время авиаударов она чаще всего укрывалась в доме соседей, а он был полностью разрушен.

– Не теряйте надежды, – посоветовал Келлерман.

Это что, намек на интрижку с секретаршей?

– А как сейчас ваш сын?

– Все хорошо, он в тот день был в убежище.

Келлерман наклонился, чтобы зажечь ему сигару. Дуглас еще не привык к манере немецких офицеров плескать себе в лицо одеколон после бритья, и снова у него перехватило дух от густого запаха. Он затянулся, кончик сигары начал тлеть. Признаться, Дуглас предпочел бы унести сигару с собой, но Келлерман всегда обставлял все так, чтобы она была раскурена на месте. Вероятно, хотел удостовериться, что одариваемый не пойдет ее продавать.

А может, просто считал, что истинный джентльмен не позволит коллеге покинуть кабинет с нетронутой сигарой в кармане.

– И больше никаких трудностей, инспектор? – Проходя за спиной у Дугласа, Келлерман остановился и опустил руку ему на плечо, словно бы в знак поддержки.

На что он намекает? Не на письмо ли от секретарши, которое обнаружилось сегодня во входящей корреспонденции? Секретарша ставила его в известность о своей беременности и требовала двадцать тысяч оккупационных марок, пояснив – на случай, если он не знает, – что фунты стерлингов в абортариях нынче не в почете. Дуглас на самом деле получал часть своего жалования в оккупационных марках. Пока ему не удалось выяснить, как именно письмо попало в кабинет. Вероятно, она передала его через какую-то из подружек в канцелярии. А может, вообще сама принесла.

– Никаких трудностей, которыми следовало бы обременять господина генерала.

Келлерман улыбнулся. Из-за нервного напряжения Дуглас обратился к нему в третьем лице – в странной манере, свойственной самым подобострастным немецким подчиненным.

– Вы помните, каким был этот кабинет в прежние времена? – спросил Келлерман.

До войны комиссар полиции, выходя из кабинета, оставлял дверь открытой, чтобы обеспечить доступ рассыльным. Поступив на службу в Скотленд-Ярд, Дуглас частенько находил повод зайти в пустой кабинет в такие часы и подолгу рассматривал его с благоговением мальчишки, выросшего на детективных романах.

– Я довольно редко бывал здесь.

– Мы живем в непростые времена, – произнес Келлерман, будто извиняясь, что визиты Дугласа в этот кабинет участились.

Он наклонился над столом и стряхнул пепел в модель Тауэрского моста из белого фарфора. Какой-то оборотистый умелец снабдил свою версию моста флагами со свастикой и надписью чернo-красным готическим шрифтом: «Перемирие. Лондон. 1940».

– Прежде нашей полиции не поручали никаких... – Келлерман явно с тщательностью подбирал слова, – политических задач.

– Да, наша полиция не имеет отношения к политике.

– Ну все же это не совсем так, – мягко возразил Келлерман. – В Германии принято называть вещи своими именами, и политическая полиция зовется политической полицией. Здесь же ее функции исполняет «особый отдел», поскольку англичанам чужда прямота в таких вопросах.

– Вы правы, сэр.

– Однако рано или поздно настанет день, когда я больше не смогу сдерживать давление Берлина, и нам придется встроиться в полицейскую систему Германии.

– Англичане довольно настороженно относятся к нововведениям, сэр.

– Не пытайтесь играть со мной в игры, инспектор, – предостерег Келлерман все тем же учтивым тоном и с той же мягкой улыбкой. – Вы понимаете, о чем я.

– Боюсь, что нет, сэр.

– Ни вы, ни я не хотим видеть в этом здании советников по политическим вопросам, инспектор. Потому что знаем, чем это неизбежно закончится. Полицию начнут использовать для борьбы с группировками сопротивления, для ловли дезертиров, политических преступников, евреев, цыган и прочих нежелательных элементов!

По тону Келлермана следовало сделать вывод, что он вовсе не считает все перечисленные элементы настолько же нежелательными, как его берлинское начальство.

– Это немедленно расколется полицию надвое, – констатировал Дуглас.

Вместо ответа Келлерман взял со стола распечатанное с телетайпа сообщение и прочел, будто подзабыв содержание.

– Сюда направлен высокопоставленный офицер службы безопасности рейхсфюрера, – сообщил он. – Работать с ним я поручаю вам.

– И его функции будут политические? – уточнил Дуглас.

Служба безопасности рейхсфюрера представляла собой разведывательный орган СС. Совсем нехорошие новости.

– Я понятия не имею, какие у него будут функции, – жизнерадостно сообщил Келлерман. – Он из личного штата рейхсфюрера и ответ нести будет непосредственно перед Берлином – уж не знаю, за какие именно поручения. – Генерал затянулся и не спеша выпустил дым, делая эффектную паузу, чтобы Дуглас имел возможность осознать исходящую от нового сотрудника опасность для них обоих. – Штандартенфюрер Хут, – добавил он наконец. – Так зовут нашего нового товарища.

Использование звания СС, очевидно, было призвано подчеркнуть, что Хут – не «наш».

– Приказы он получает напрямую из Берлина, и это будет давать ему определенное... – Келлерман помедлил, – влияние.

– Я понял, сэр.

– В таком случае, дорогой мой друг, вы сделаете все возможное, чтобы не допустить никаких промахов со стороны вашего уважаемого коллеги. Особенно по части устных высказываний. Мне бы не хотелось, чтобы какая-то досадная мелочь выставила нас всех в невыгодном свете.

– Вы сейчас про сержанта Вудса?

– Вы очень проницательны, инспектор.

Глава 3

Говорили, что с начала перемирия в Лондоне не было ни одной солнечной недели. Дуглас мог охотно в это поверить. Вот и сегодня день выдался промозглый и влажный, бесцветное солнце едва проглядывало сквозь сплошную пелену серых облаков, напоминая пустую тарелку на грязной скатерти.

И все-таки даже коренной лондонец мог пройти по Керзон-стрит и не увидеть в городе никаких изменений – если не особенно глазеть по сторонам. Знак «Soldatenkino» на кино-театре «Керзон-синема» был скромный и незаметный, и только если вы попытаетесь войти в «Мирабель», швейцар в цилиндре шепнет вам на ухо, что ресторан теперь обслуживает исключительно господ офицеров штаба Восьмой воздушной дивизии, расположенного через дорогу в бывшем здании министерства образования. И так же легко можно было пропустить значки «еврейское предприятие» на дверях заведений, весьма эффективно отпугивающие всех клиентов, кроме самых отважных. В ноябре сорок первого Дуглас Арчер, как и большинство его соотечественников, старался поменьше глазеть по сторонам.

Убийство, расследовать которое, как и предполагал сержант Гарри Вудс, их в тот же день пригласили, произошло в районе Шепард-Маркет – маленьком лабиринте нешироких улиц, где проживали лондонские рабочие, итальянские лавочники и богатые туристы, находившие в этих кривых переулках и скрипучих старых домах тот Лондон, о котором читали у Диккенса, не сильно удаляясь при этом от модных магазинов и ресторанов.

Дом, в который направлялся Дуглас, выглядел вполне типичным для названного района. У входа уже дежурили полисмены в униформах, они о чем-то спорили с парой репортеров. На первом этаже располагалась убогая антикварная лавчонка – настолько тесная, что, раскинув в стороны руки, посетитель мог достать до противоположных стен. Второй этаж занимали жилые комнаты, размерами напоминающие кукольный домик. К ним вела винтовая лестница, на которой буквально негде было повернуться, не смахнув со стен украшавшие их репродукции в рамочках.

Полицейский доктор сидел на обитом ситцем диване. Британская форменная шинель застегнута на все пуговицы, руки в карманах, молодой – лет двадцать пять, пожалуй, – но в глазах уже та самая жуткая обреченность, с которой многие приняли поражение в войне.

На полу перед ним лежал убитый. Лысоватый бледный мужчина лет тридцати пяти. Встретив такого на улице, можно было бы принять его за успешного ученого, рассеянного профессора, какими их любят изображать в комедийных кинолентах.

На жилете, залитом кровью, темнело широкое бурое пятно. Какой-то порошок. Дуглас тронул его кончиками пальцев, но, даже не успев поднести их к носу, уже почуял запах нюхательного табака. Бурые следы виднелись и под ногтями убитого. С тех пор как цены на сигареты взлетели, популярность нюхательного табака стала расти – тем более он все еще продавался не по карточкам.

Жестянка с табаком обнаружилась в жилетном кармане. Пули сбили с нее крышку. Там же лежала наполовину выкуренная сигара, марка «Ромео и Джульета», по нынешним временам безумная роскошь. Неудивительно, что окурочек он приберег.

Костюм тоже дорогой, из тонкой ткани, швы ручные. Однако для сшитого на заказ сидит мешковато – как будто хозяин вдруг решил сесть на жесткую диету и сильно похудел. Лицо осунувшееся, в морщинах – тоже свидетельство резкой потери веса. Дуглас тронул пальцами проплешины на голове убитого.

– Очаговая алопеция, – сказал доктор. – Распространенная штука.

Дуглас заглянул в рот. Денег на дантиста у покойного явно хватало. Во рту были золотые коронки. А еще – кровь.

– У него кровь во рту.

– Вероятно, ударился лицом при падении.

Дуглас сомневался, что дело именно в этом, но спорить не стал. Он отметил на лице трупа мелкие язвы и кровоподтеки. Закатал рукав и обнаружил, что кожа красная и воспаленная до самого плеча.

– И где в это время года можно так сильно обгореть на солнце? – удивился доктор.

Дуглас быстро набросал в блокноте, как расположено тело. Вероятно, в момент выстрела мужчина находился в дверном проеме и рухнул навзничь. Дуглас потрогал пятна крови, оценивая, насколько она успела запечься, затем положил ладонь на грудь трупа. Совершенно холодный. Мертв уже не менее шести часов. Доктор наблюдал за действиями инспектора, однако никак не вмешивался.

Дуглас встал и оглядел помещение. Маленькая комнатка, оклеенная помпезными обоями, на стенах репродукции Пикассо, на столе светильники, сделанные из оплетенных бутылок «кьянти». Ореховый секретер стоял раскрытым – похоже, в нем рылись. Старинный латунный светильник был повернут таким образом, чтобы свет попадал на обитую зеленой кожей поверхность для письма, но лампа из патрона была выкручена и засунута в один из ящичков вместе с пачкой дешевых конвертов.

Ни книг, ни фотокарточек, ничего, что могло бы хоть что-то рассказать о личности владельца. Помещение напоминало скорее дорогой гостиничный номер. В открытом камине лежали поленья, и наружу через решетку высыпалась горка пепла от сожженной бумаги.

– Патологоанатом здесь? – спросил Дуглас.

Он вкрутил лампочку в патрон, включил и подождал. Лампочка была исправна. Он снова щелкнул выключателем и подошел к камину. Потрогал пепел – холодный, прогорел полностью, ни клочка не уцелело. Меж тем бумаги тут сожгли очень много, на это потребовалось время. Дуглас вытер пальцы носовым платком.

– Еще не появлялся, – ответил доктор уныло.

Очевидно, ему уже очень надоело здесь торчать.

– А вы что можете сказать нам, док?

– Может, у вас сигаретка найдется? Раз с немцами работаете...

Дуглас вынул золотой портсигар – свою единственную драгоценность. Доктор взял сигарету, благодарно кивнул и принялся рассматривать. Две красные полоски свидетельствовали о том, что сигарета из пайка вермахта. Доктор сунул ее в зубы, достал зажигалку и закурил, не меняя выражения лица и позы.

Один из дежурящих на месте преступления сержантов молча наблюдал за всем этим через дверной проем, стоя на крошечной лестничной площадке. Почуввав, что в разговоре наступила пауза, он сунул голову в дверь и отрапортовал:

– Прошу прощения, сэр! Патологоанатом велел передать, что будет только к вечеру.

Услышав сообщение, Дуглас не мог не переглянуться с Гарри, и тот кивнул, признавая, что задержать полицейского медика было хорошей идеей. Патологоанатомов теперь всегда приходилось дожидаться подолгу.

– Так какие ваши впечатления, доктор? – еще раз спросил Дуглас.

Они оба посмотрели на труп. Дуглас подергал его за ботинки – ступни всегда коченели в последнюю очередь.

– Фотографы все отсняли и ждут патологоанатома, – сообщил Гарри, разворачивая мешок для транспортировки.

Дуглас расстегнул на убитом сорочку и обнаружил темно-лиловые синяки вокруг двух дыр с коркой запекшейся крови.

– Какие мои впечатления... – проговорил доктор. – Смерть наступила от пулевых ранений в область груди. Первая пуля попала в сердце, вторая – в верхнюю долю легкого. Умер практически мгновенно. Могу я теперь быть свободен?

– Я не задержу вас дольше необходимого, – холодно произнес Дуглас, присев на корточки перед трупом.

Он посмотрел туда, где должен был находиться убийца. У стены под креслом в самом углу блеснуло что-то металлическое. Дуглас подошел взглянуть и выудил из-под кресла маленькую деталь из какого-то сплава с обшитым кожей краем. Спрятав ее в жилетный карман, он уточнил:

– Так, значит, сердце пробила первая пуля, не вторая?

Доктор по-прежнему сидел, вальяжно развалившись на диване, только теперь скрестил стопы вытянутых ног.

– Да. Если бы сердце еще билось, было бы больше кровавой пены из пробитого легкого.

– Вот как, – произнес Дуглас.

– Он уже падал, когда убийца выстрелил во второй раз. Вероятно, поэтому пуля и прошла выше.

– Ясно.

– За последний год я насмотрелся достаточно огнестрельных ран, чтобы стать в этой области почти экспертом. Оружие – пистолет, девятимиллиметровые пули вы достанете, когда поковыряетесь под этими чудовищными полосатыми обоями. Я считаю, искать надо отставного военного, который часто бывает в этом доме и открывает своим ключом. И наверняка он левша.

– Неплохо, доктор.

Уловив сарказм, Гарри Вудс на секунду оторвался от изучения содержимого карманов убитого.

– Вы знаете мои методы, Ватсон, – ответил доктор.

– Значит, раз убитый в верхней одежде, вы решили, что он вошел с улицы и наварлся на убийцу, поджидавшего в кресле у камина. По тому, как прошла пуля, вы сделали вывод, что убийца левша.

– Хороший табак, – констатировал доктор, держа сигарету перед собой и любуясь на струйку дыма, поднимающуюся к потолку. – Не скупятся для вас немцы, чего уж там.

– А к отставным военным вы его приписали, потому что он попал в сердце с первого выстрела.

Доктор затыкнул и кивнул.

– А вы не обратили внимания, что мы все сейчас в верхней одежде? Потому что тут холод собачий, газового отопления нет и не предвидится. К тому же не всякий солдат настолько хорошо стреляет. Из пистолета таких стрелков вообще один на миллион. Вы утверждаете, что у преступника был ключ, потому что на двери нет следов взлома. Но любой мой сержант вскрыет такую дверь с помощью полоски целлулоида быстрее, чем ключом, и вообще без шума.

– О... – только и сказал доктор.

– Каково было время смерти, по вашим оценкам?

Все медики ненавидят гадать о времени смерти, и этот постарался выразить досаду всем своим видом.

– Ну я могу назвать цифру, – протянул он, пожимая плечами, – и накинуть еще сверху для спокойствия.

– Давайте-ка вы назовете нам цифру, док, и ничего не будете накидывать, – предложил Дуглас.

Не вставая с дивана, доктор затушил сигарету пальцами и отправил окурки в помятую табачную жестянку.

– Я измерил температуру тела сразу по прибытии. Обычно считают так: в час тело остывает на полтора градуса по Фаренгейту.

– Да, слышал о таком, – произнес Дуглас.

Доктор невесело усмехнулся, убрал жестянку в карман шинели и устался на свои вытянутые ноги.

– Получается, между шестью и семью часами утра, – заключил он.

Дуглас взглянул на дежурного сержанта.

– Кто сообщил о трупке?

– Сосед снизу каждое утро приносит ему бутылку молока, – с готовностью отрапортовал сержант. – Дверь была не заперта. Кордитом не пахло.

Доктор фыркнул со смеху, закашлялся и постучал себя по груди.

– Кордитом не пахло, – повторил он. – Неплохо, неплохо. Это надо запомнить.

– Вы поразительно мало знаете о полицейской работе, док, – сказал Дуглас. – Особенно для штатного медика. Позвольте, я вам объясню. Вот этот сержант – офицер, которого я впервые вижу, – тактично намекает мне, что, по его мнению, смерть наступила раньше. Гораздо раньше, док.

Дуглас прошел к расписному буфету и открыл дверцы. Внутри обнаружилась впечатляющая коллекция спиртных напитков. Дуглас взял бутылку виски, без удивления отметил на большинстве этикеток надпись «Разлито специально для вермахта», поставил бутылку на место и закрыл буфет.

– Вам знаком термин «трупные пятна», док? – поинтересовался он.

– Смерть могла наступить раньше, – признал доктор еле слышно.

Разумеется, от него не укрылись синюшные пятна от перемещения крови под воздействием силы тяжести. Теперь он собрал ноги и сидел прямо.

– Раньше, но не ранее полуночи?

– Не ранее полуночи.

– Другими словами, смерть наступила во время комендантского часа.

– Весьма вероятно.

– Весьма вероятно, – саркастично повторил Дуглас.

– Определенно во время комендантского часа, – подтвердил доктор.

– В какую игру вы тут пытаетесь играть, док? – спросил Дуглас, не глядя на него.

Он прошел к камину и стал рассматривать грудку сожженной бумаги. До блеска начищенная медная кочерга была перемазана в саже. Кто-то очень постарался, чтобы каждый листок сгорел дотла. Дуглас опять сунул руку в ворох перистой золы. Толстенная пачка писчей бумаги. Полностью прогорела и полностью остыла.

– Что у него в карманах, Гарри?

– Удостоверение личности, восемь фунтов, три шиллинга и десять пенсов, связка ключей, перочинный нож, дорогая авторучка, носовой платок без отметок прачечной и железнодорожный билет из Брингл-Сэндс до Лондона и обратно.

– Это все?

Гарри знал, что далее напарник пожелает взглянуть на удостоверение личности, и передал его, не дожидаясь просьбы.

– Путешествует налегке, – заметил он.

– Или карманы уже обчистили, – вставил доктор со своего дивана.

Гарри встретился взглядом с Дугласом, в его глазах был намек на улыбку.

– Ну да, или карманы уже обчистили, – сказал ему Дуглас.

– Или так, – согласился Гарри.

Дуглас раскрыл удостоверение личности. В нем значилось, что его владелец является бухгалтером в возрасте тридцати двух лет, проживающим в городе Кингстон, графство Суррей.

– Кингстон, – проговорил Дуглас.

– Ну да, – кивнул Гарри.

Они оба понимали, что это может означать. Государственный архив Кингстона был уничтожен в ходе боев, и теперь этот город очень любили вписывать в свои произведения умельцы, промышляющие подделкой документов.

Спрятав удостоверение в карман, Дуглас повторил вопрос:

– В какую игру вы тут пытаетесь играть, док? – Он посмотрел на доктора, ожидая ответа. – Зачем вводить меня в заблуждение насчет времени смерти?

– Да так, по глупости. Просто если кто-то приходит или выходит после полуночи, соседи обязаны докладывать в полевую жандармерию.

– А откуда вам знать, что они не доложили?

Доктор поднял обе руки и улыбнулся.

– Просто догадка.

– Видимо, на основании того, что ваши соседи в таких случаях обходятся без доклада? А какие еще правила они имеют привычку игнорировать?

– Ну вы народ! – возмутился доктор. – Хуже чертовой немчуры! Да я бы лучше с гестапо перемолвился, чем со сволочью вроде вас! Они хоть не будут выворачивать наизнанку все мои слова!

– Не в моей власти лишить вас шанса перемолвиться с гестапо, – заметил Дуглас. – Однако просто ради удовлетворения моего праздного любопытства скажите, доктор: откуда ваша уверенность в том, что методики допроса, принятые в этом ведомстве, понравятся вам больше? Основывается ли она на вашем личном опыте или вы опираетесь на свидетельства третьих лиц?

– Ладно, ладно, – вздохнул доктор. – Предположим, три часа ночи.

– Так-то лучше, – одобрил Дуглас. – Теперь будьте любезны осмотреть труп как следует, чтобы нам не сидеть тут впустую в ожидании патологоанатома, а я забуду все глупости, которые вы тут успели наговорить. Но если умолчите хоть о чем-то, я доставлю вас в Скотленд-Ярд, и уж там вами займутся по полной программе. Вам ясно?

– Мне ясно.

– Внизу какая-то дама, – сообщил дежурный сержант. – Пришла забрать что-то из антикварной лавки. Я велел констеблю попросить ее дожждаться вас.

– Очень хорошо, – похвалил Дуглас.

Доктора он оставил осматривать труп, пока Гарри Вудс изучал содержимое секретера.

Сотни подобных антикварных лавок расцвели пышным цветом после бомбежек и массового бегства из графств Кент и Суррей во время долгих ожесточенных боев. Курс немецкой марки был искусственно задрян, и оккупанты слали антиквариат домой чуть ли не вагонами. Люди предприимчивые неплохо на этом наживались, однако не требовалось разбираться в экономике, чтобы понимать: богатство утекает из страны.

В лавке на первом этаже стояла весьма изысканная мебель. Дуглас не мог не задаться вопросом, что из этого было честно куплено, а что просто утащено из опустевших домов. Очевидно, владелец держал часть своей коллекции в крохотных квартирках наверху, тем самым оправдывая высокую арендную плату.

Посетительница ожидала, сидя на элегантном виндзорском стуле. Очень красивая – высокий лоб, точеные скулы, широкое лицо с идеальной формы ртом, привыкшим улыбаться.

– Ну, может, хоть от вас я наконец получу прямой ответ, – проговорила она с легким американским акцентом, достала из большой кожаной сумки американский паспорт и раскрыла его перед Дугласом.

Дуглас кивнул, замороженный. Он в жизни не видел более привлекательной особы.

– Чем могу вам помочь, мадам?

– «Мисс», – поправила она. – В моей стране девушки не любят, когда их по ошибке принимают за «мадам».

Смущение Дугласа ее с очевидностью забавляло. Она улыбалась с непринужденным видом, свойственным очень богатым и очень красивым.

– Чем могу быть полезен, мисс?

Костюм-двойка из розовой шерсти, строгий и практичный, моментально выдавал в ней американку. Она бы не осталась незамеченной где угодно, однако в покрытом копотью войны городе, где многие носили военную форму или одежду, кое-как из этой формы переделанную, дама в хорошо сидящем розовом костюме однозначно воспринималась как состоятельная. На плече у нее висела новенькая фотокамера «Роллейфлекс». Немцы продавали такие без налога военным и всем, кто был готов платить американскими долларами.

– Барбара Барга. Я пишу колонку, которая выходит в сорока двух американских газетах и журналах. Пресс-атташе немецкого посольства в Вашингтоне предложил мне билет на первый рейс «Люфтваганзы» из Нью-Йорка в Лондон. Я согласилась – и вот я здесь.

– Добро пожаловать, – сухо произнес Дуглас.

Ловко она ввернула про первый рейс авиалайнера «Фокке-Вульф». Одно из самых шумных событий года, этим рейсом летели Геринг и Геббельс. Чтобы журналистка вот так получила билет, у нее должен быть немалый авторитет в своей профессии.

– Ну а теперь расскажите мне, что у вас тут происходит, – с улыбкой предложила Барбара.

Дуглас Арчер на своем веку видел не так много американцев, и уж точно среди них никто не мог сравниться с этой девушкой. Когда она улыбалась, на ее лице появлялись очень обаятельные морщинки, и Дуглас, сам того не желая, заулыбался в ответ.

– Поймите меня правильно, я вообще спокойно отношусь к копам, – заверила она, – просто не ожидала вдруг увидеть их сразу так много у Питера в лавке.

– У Питера?

– Ну у Питера Томаса! Ой, да бросьте вы, мистер сыщик, у него же табличка на двери! «Питер Томас, антиквариат»!

– Вы знакомы с мистером Томасом?

– У него какие-то неприятности?

– Мисс, мы быстрее управимся, если вы будете отвечать на мои вопросы.

– А кто вам сказал, что я тороплюсь?.. Ну хорошо. Я его знаю.

– Можете описать в двух словах?

– Лет тридцать восемь, может, меньше. Бледный, редкие волосы, крупного телосложения, низкий голос. Маленькие усики. Хорошо одевается.

Дуглас кивнул. Вполне четкое описание убитого.

– А в каких отношениях вы с мистером Томасом?

– О, мы общались строго по делу. А теперь, будьте любезны, представьтесь и вы, дружок.

– Прошу прощения, – спохватился Дуглас.

Он чувствовал, что держится не лучшим образом, но американку его смущение лишь веселило.

– Я инспектор уголовного розыска, возглавляю расследование. Сегодня утром мистер Томас был найден мертвым.

– Это ведь не самоубийство? Едва ли Питер на такое способен...

– Он погиб от огнестрельного ранения.

– И у вас есть основания заподозрить, как у вас тут принято говорить, «злой умысел»?

– А по какому делу вы с ним общались, мисс?

– Он помогал мне со статьей. Я пишу об американцах, которые находились здесь во время боев. А познакомилась я с ним, когда зашла сюда прицениться к мебели. У него были обширные связи – в том числе среди проживающих в Лондоне иностранцев.

– Вот как...

– Питер был человек очень умный. Он мог откопать вам все, что пожелаете, если ему от этого причиталась выгода. – Девушка окинула взглядом серебряные и костяные безделушки, выставленные на полочке над кассой. – Собственно, я зашла к нему за фотопленкой. У меня вчера кончилась, а он обещал достать. Наверняка она у него в кармане.

– Никакой пленки мы на трупе не нашли.

– Ну не важно. Достану где-нибудь.

Она стояла так близко, что Дуглас чувствовал аромат ее духов. Представил, как обнимает ее, – и она, словно прочитав его мысли, взглянула ему прямо в глаза и улыбнулась.

– Как мы можем связаться с вами, мисс Барга?

– До конца недели я живу в отеле «Дорчестер». Потом остановлюсь у друзей.

– Так «Дорчестер» снова открыли?

– Сдаются всего несколько номеров со стороны черного хода. Парковую часть будут восстанавливать еще долго.

– Не забудьте сообщить нам адрес ваших друзей, – велел Дуглас, хотя знал, что она обязательно будет зарегистрирована как иностранка, а также как журналистка, в пресс-бюро военной комендатуры.

Она не спешила уходить.

– Питер мог достать вообще все. Начиная с мраморов Элгина с запиской от того, кто откопал их из-под руин Британского музея, до приказа о демобилизации с присвоением категории «один-а»: ариец, квалифицированный работник, нет ограничений для перемещения – как территориально, так и в комендантский час. Короче, Питер был жуликом, инспектор. Такие часто навлекают на себя неприятности. И плакать по нему никто не станет.

– Спасибо, мисс Барга, вы нам очень помогли, – сказал Дуглас и, когда она уже выходила, добавил: – Кстати! А вы не в курсе, не был ли он в недавнее время в стране с жарким климатом?

Она обернулась.

– Почему вы спрашиваете?

– У него руки обгорели до плеч. Как будто заснул на солнцепеке.

– Я знакома с ним всего пару недель. – Барбара пожала плечами. – Он мог пользоваться ультрафиолетовой лампой.

– Ну... в принципе, такое возможно, – проговорил Дуглас с сомнением.

Наверху Гарри Вудс допрашивал единственного соседа жертвы. Тот подтвердил, что убитый – именно Питер Томас, и сообщил, что Питер Томас был далеко не образцовым соседом.

– К нему ходил один фельдфебель люфтваффе... здоровый такой детина в очках, не знаю, в каком звании, но служил он на интендантских складах на Мэрилебон-роуд. Таскал ему все на свете – консервы всякие, табак, медикаменты... Думаю, они наркотиками торговали. Вечно устраивали тут дебоши. И вы бы видели, каких к себе водили девок! Размалеванные, пьяные. Иногда ко мне в дверь долбили по ошибке. Кошмарные люди. Имейте в виду, не в моем обычае говорить плохо об усопших, но это человек якшался с очень дурной компанией.

– Не знаете, была ли у мистера Томаса ультрафиолетовая лампа? – спросил Дуглас.

– Господи, да чего у него только не было! Не квартира, а пещера Аладдинова! Вы порыйтесь в ящиках, вас ждет масса сюрпризов. И про чердак не забудьте.

– Благодарю вас, не забуду.

Отпустив соседа, Дуглас извлек из кармана металлический предмет, найденный ранее под креслом. Он был сделан из какого-то легкого сплава, однако для своего размера имел неожиданно большой вес. Край покрывала полоска светло-коричневой кожи. Кроме того, в нем было просверлено четвертьдюймовое отверстие с припаянной к нему гайкой, а изнутри всей этой конструкции добавляла прочности металлическая трубка. Судя по форме, размеру и примитивному исполнению, Дуглас предположил, что это часть металлического протеза, которые в последние годы в его стране клепались сотнями. Если это часть металлической правой руки, то гипотеза доктора может оказаться весьма точна и разыскивать следует левого отставного военного стрелка.

Когда подошел Гарри, Дуглас спрятал металлическую деталь обратно в карман.

– Что там наш доктор? – спросил Дуглас. – Отпустил?

– Жестко ты с ним, Дуг.

– Что он еще сказал?

– Что смерть точно наступила в три часа ночи. Думаю, надо поискать этого фельдфебеля люфтваффе.

– А что насчет ожогов на руках?

– Ультрафиолетовая лампа.

– Это доктор тебе сказал? – удивился Дуглас.

– Нет. Это я тебе говорю. Доктор, как всегда, мямлил что-то нечленораздельное, знаешь ты эту породу.

– По словам соседа, убитый промышлял на черном рынке. И американская журналистка предположила то же самое.

– Все сходится.

– Слишком хорошо все сходится. Настолько хорошо, что нехорошо пахнет...

Гарри не ответил.

– Ты ультрафиолетовую лампу нашел? – спросил Дуглас.

– Нет, но остается еще чердак.

– Ладно, Гарри, иди перерой чердак, а потом отправляйся в полевую жандармерию и получи разрешение на допрос этого фельдфебеля.

– В каком смысле нехорошо пахнет? – спросил Гарри.

– А в таком, что сосед выложил мне про этого чертова фельдфебеля все, кроме разве что полного имени. И очень кстати забежала на огонек американская журналистка и спросила, не нашел ли я в карманах убитого фото пленки. Якобы этот Питер Томас обещал ей добыть, а то у нее, видите ли, кончилась! Да эта девица должна была с собой чемодан пленки притащить, а в случае нехватки легко получить еще хоть в любом новостном агентстве, хоть в том же американском посольстве! Да что там, немецкое пресс-бюро с радостью бы ее обеспечило, всем известно, на что их пропаганда готова ради американских репортеров! Не было у нее никакой надобности связываться с черным рынком.

– Так, может, она как раз хотела связаться с черным рынком? Может, хотела выйти на контакт с Сопротивлением? Для статьи?

– Вот именно об этом я и думаю, Гарри.

– А еще что не так?

– Я проверил связку его ключей. Ни один не подходит ни к одному из замков внизу. А также к уличной двери и к двери в квартиру. Маленькие, похоже, от какого-то архивного шкафа. Если он тут и есть, то невероятно хорошо запрятан.

- А еще? – спросил Гарри.
- А еще, если он здесь живет, то какого черта купил обратный билет, выезжая вчера из Брингл-Сэндс? И если он здесь живет, где его одежда? Сорочки, белье, костюмы?
- В Брингл-Сэндс остались.
- И что же, он собирался здесь ночевать, не имея сорочки и белья на смену? Посмотри на него, Гарри. Этот человек не из тех, кто станет ходить в несвежем исподнем.
- Значит, ты считаешь, что он здесь не жил.
- Я считаю, что здесь никто не жил. Я считаю, что здесь просто место встреч.
- В смысле, куда любовники приходят?
- Куда Сопротивление приходит, Гарри. Вероятно, это конспиративная квартира, где они могут встречаться и что-то хранить. И потом, нельзя игнорировать тот факт, что убитый в верхней одежде.
- погоди, ты сам сказал доктору, что в помещении холодно!
- Доктор пытался меня разозлить, и ему это прекрасно удалось. Но это не значит, что он ошибся, рассуждая о поджидавшем Томаса посетителя. И не объясняет того, что Томас находился дома в головном уборе.
- Никогда не знаешь, что у тебя на самом деле на уме... – сказал Гарри.
- Будь добр следить за языком, когда пойдешь в жандармерию, – велел ему Дуглас.
- Я, по-твоему, что, болван?! – возмутился Гарри.
- Ты романтик, – вздохнул Дуглас. – Не болван. Романтик.
- Ну а про ожоги ты что думаешь? Ультрафиолетовая лампа?
- Никогда не слышал, чтобы кто-то засыпал под ультрафиолетовой лампой. Хотя, конечно, все бывает в первый раз. Подумай еще, зачем было нужно выкручивать лампочку из настольного светильника. Лампочка не перегорела, я проверял.

Глава 4

Пиво с каждым днем становилось все жиже, а тот, кто верил рассказам об уничтоженных в ходе боевых полей хмеля, явно не пробовал экспортных марок, которые разливали в столовых для немецких солдат. Но Дуглас все равно заказал еще пинту и щедро залил горчицей безвкусный сэндвич с сыром, прежде чем приниматься за еду. В «Красном льве» у Дерби-гейт сидели еще несколько офицеров убойного отдела. «Красный лев» был собственным пабом Скотленд-Ярда. Здесь раскрыли больше преступлений, чем во всех кабинетах, прозекторских и архивах вместе взятых – по крайней мере, так утверждали некоторые завсегда-таи после третьей кружки.

Подошел мальчишка, разносящий «Ивнинг стэндарт». Дуглас купил газету, отыскал на последней странице рубрику «Срочно в номер».

В РОСКОШНОЙ КВАРТИРЕ В ВЕСТ-ЭНДЕ НАЙДЕН ТРУП МУЖЧИНЫ

Сегодня район Шепард-Маркет в Мейфэре посетили детективы из Скотленд-Ярда после сигнала о том, что в одном из тамошних домов найден труп. Погибшего обнаружил сосед, по своему обыкновению с утра принесший бутылку молока. Имя жертвы пока не разглашается. Из полиции сообщают лишь, что он антиквар и бесспорный знаток хороших вещей. Дело расследуется как убийство, и ведет его сам Дуглас Арчер по прозвищу Скотленд-ярдский снайпер. Именно он раскрыл прошлым летом жуткое дело «убитых извращенцев».

В заметке определенно чувствовалась рука Гарри Вудса. Гарри прекрасно знал, что Дуглас терпеть не может это прозвище. И комментарии он явно давал по телефону: наверняка обозвал убитого «знатоком хороших девиц», а потом возмущенно это отрицал, когда репортер зачитал ему записанный комментарий для подтверждения.

Когда Дуглас вышел из «Красного льва», лил дождь. Собираясь переходить через улицу, Дуглас увидел на другой стороне Сильвию, ту самую секретаршу. Подстерегает... Дуглас переждал пару автобусов и стал перебегать дорогу. На разделительной полосе пришлось остановиться и пропустить два штабных автомобиля с флажками немецкого командования. Дугласа окатило водой из оставшейся после бомбежки рытвины. Он выругался, но дождь остался глух к проклятиям.

– Милый, – в качестве приветствия сказала Сильвия.

Прозвучало это без особой теплоты, но Сильвия вообще была дамой прохладной. Дуглас приобнял ее за плечи, и она подставила ему холодное лицо для поцелуя.

– Я весь день с ума схожу. Ты написала, что уезжаешь...

– Прости, милый. Не стоило отправлять тебе это дурацкое письмо. Ты ведь простишь?

– Так ты беременна?

– Не знаю наверняка.

– Черт побери, Сильвия, ты написала...

– Не надо кричать посреди улицы, милый. – Она прижала пальцы к его губам; пальцы были ледяные. – Напрасно я пришла, да?

– Через три дня мне пришлось заявить о твоём отсутствии. Буфетчица начала выяснять, куда ты пропала. Дальше скрывать было нельзя.

– Мне жаль, что тебе пришлось рисковать, милый.

– Я звонил твоей тете в Стретэм, но она сказала, что много месяцев тебя не видела.

– Да, я бессовестная, надо ее проведать.

– Сильвия, ты меня вообще слушаешь?

– Пусти руку, больно. Слушаю я.

– Но явно ничего не слышишь!

– Я слушаю тебя так, как всегда.

– Пропуск у тебя?

– Какой пропуск?

– Пропуск сотрудника Скотленд-Ярда. Ты пьяна, что ли?

– Разумеется, нет. А что ты так забеспокоился насчет пропуска? Думаешь, понесу вашу бумажку на Петтикоут-Лейн и продам тому, кто больше предложит? Да кому охота лезть в твой мерзкий Скотленд-Ярд, кроме тех, кому за это жалование платят?!

– Давай-ка прогуляемся, – решил Дуглас. – Уайтхолл-стрит патрулируется жандармерией, сама знаешь.

– Ну чего ты такой бука? – Она улыбнулась. – Лучше поцелуй меня как следует. Ты что, не рад меня видеть?

– Конечно, рад. Пойдем в сторону Трафальгарской площади.

– Ладно...

Они зашагали по улице мимо вооруженных часовых, неподвижно стоящих у дверей правительственных зданий, в которых теперь размещались совсем другие люди. У театра Уайтхолл пришлось остановиться – впереди солдаты начинали спонтанную проверку. Поперек дороги стояли три грузовика с опознавательными знаками штаба немецких вооруженных сил по лондонскому округу: схематичное изображение Тауэрского моста над большой буквой «Л» готическим шрифтом. Солдаты были в полевых куртках, у каждого за плечом – автоматическая винтовка. Они быстро разворачивали на проезжей части ленту с шипами – так, чтобы свободной оставалась лишь одна полоса в обе стороны. Опорный пункт размещался в машине, припаркованной у основания статуи Карла Первого. Дуглас про себя отметил, что немцы быстро учатся: именно в этой точке полиция Большого Лондона всегда проводила проверки в случае необходимости. Он обернулся. Позади улицу тоже успели перекрыть.

Не выказывая ни малейшего волнения, Сильвия предложила свернуть в сторону набережной. Дуглас покачал головой.

– Нет. Боковые выходы блокируют в первую очередь.

– У меня ведь пропуск.

– Ты в своем уме? – не выдержал Дуглас. – В здании Скотленд-Ярда находится служба безопасности рейхсфюрера, гестапо и все прочее! Ты говоришь «бумажка», а для немцев это почти самый ценный документ, который могут выдать иностранцам. Ты не появлялась на службе, не предоставив уважительной причины, и не сдала пропуск. Если бы ты прочитала договор о приеме на работу, прежде чем его подписывать, ты бы знала, что это равносильно краже. Теперь твое имя и номер твоего пропуска наверняка значатся в списках розыска гестапо, а списки эти моментально оказываются у каждого патруля по всей стране!

– И что мне делать? – Даже теперь в ее голосе не было испуга.

– Сохранять спокойствие. У них есть люди в штатском – следят за теми, кто ведет себя подозрительно.

Солдаты тормозили и досматривали всех – служебные автомобили, двухэтажные автобусы, даже медицинский фургон остановили и проверили документы у водителя, фельдшеров и больного. Солдаты не обращали никакого внимания на дождь. От воды их каски блестели, а полевые куртки стали темными. Гражданские в ожидании очереди сгрудились под козырьком театра Уайтхолл. Над входом висела афиша – «Вена в гостях у Лондона», и на ней обнаженные женские фигуры прятались среди белых скрипок.

Дуглас схватил Сильвию за руку и, прежде чем она успела протестовать, вытащил наручники и защелкнул у нее на запястье – достаточно резко и жестко, чтобы это было болезненно.

– Какого черта?! – заорала Сильвия, но Дуглас уже силком тащил ее мимо очереди.

Народ вяло завозмущался, но Дуглас лишь уверенней стал работать локтями.

– Командир! – крикнул он. – Кто тут главный?

– Что надо? – отозвался прыщавый юный фельдфебель в металлическом нагруднике, какие носили военные полицейские при исполнении.

Полевой куртки на нем не было, и Дуглас предположил, что это и есть начальник патруля. Так что он продемонстрировал юнцу полицейское удостоверение и быстро заговорил по-немецки:

– Вахтмейстер, я веду эту женщину на допрос. Вот мой пропуск.

– А ее документы? – бесстрастно спросил фельдфебель.

– Утверждает, что потеряла.

Фельдфебель равнодушно взял у Дугласа пропуск, тщательно изучил, сверил лицо с фотографией.

– Давайте, давайте! Мне весь день тут торчать? – нетерпеливо поторопил Дуглас, зная, что военная полиция может расценить вежливость как признак нечистой совести.

– Хватит дергать, больно! – огрызнулась Сильвия. – Синяки будут! Вот, погляди, скотина!

Фельдфебель смерил их обоих злобным взглядом и проорал:

– Следующий!

– Пошли. – Дуглас быстрым шагом миновал кордон, таща Сильвию за собой.

Вымокшие до нитки, они молча пробирались между машин, стоящих в ожидании досмотра. Через арку Адмиралтейства на Трафальгарскую площадь выехал комфортабельный туристический автобус. К окнам прилипли физиономии молодых солдат. Они глазели по сторонам и посмеивались над экскурсоводом, который пытался вещать в микрофон на ломаном немецком. Один парень помахал Сильвии из окна. Распугивая мокрых голубей, Дуглас волок ее через пустую, омываемую дождем площадь.

– Мне вот интересно, ты сам себя слышал? – Сильвия растирала запястье под наручником. – «Самый ценный документ, который могут выдать иностранцам». Иностранцам! Каково?

Дуглас подумал, что это очень по-женски – прицепиться к какой-нибудь уже забытой фразе и устроить сцену.

– Хватит. – Он огляделся, раскрыл наручник и отпустил ее локоть.

– По-твоему, это мы иностранцы?! – не унималась Сильвия. – Немчура тут, значит, у себя дома, а мы так, шваль подзаборная, которая должна ползать на брюхе и сапоги им лизать!

– Хватит уже, Сильвия, – повторил Дуглас.

Ему претила грубость из уст женщин, хотя, работая в полиции, давно бы следовало к таким вещам привыкнуть.

– Отвали от меня, подстилка гестаповская! – Она толкнула его ладонью в грудь. – У меня есть друзья, которые не станут пресмыкаться перед фрицами! Но где уж тебе понять! Ты ведь так занят! Столько надо сделать за них грязной работы!

– Чую, компания Гарри Вудса не прошла для тебя даром, – проговорил Дуглас, тщетно пытаясь обратить разгорающийся скандал в шутку.

– Ты жалок! – выкрикнула Сильвия. – Понятно тебе? Жалок!

Она была хорошенькая, но сейчас Дуглас будто увидел ее другими глазами. Молоденькая девчонка со слипшимися от дождя волосами, с размазанной помадой, в плащике не по

размеру через десять лет станет склочной мегерой с громким голосом и вечно поджатыми губами. Дуглас четко понял: у них никогда ничего не вышло бы. Просто стечение жизненных обстоятельств: ее родители погибли под бомбежкой за несколько дней до того, как Дуглас потерял жену. Вполне естественно, что они с Сильвией потянулись друг к другу в отчаянном поиске хоть какого-то утешения, принятого ими обоими за любовь. То, что прежде воспринималось им как обаятельная юношеская самоуверенность, теперь выглядело скорее упрямым эгоизмом. Вероятно, у нее уже другой, и наверняка кто-то помоложе, но выяснять Дуглас не стал – она бы в любом случае заявила, что так и есть, просто из мстительного удовольствия.

– Мы оба жалки, Сильвия, – только и ответил он. – Вот в чем дело.

Они стояли у одного из бронзовых львов Ландсира; в потоках дождя зверь казался выточенным из черного дерева. Площадь почти обезлюдела – к тому моменту даже самые стойкие из немцев попрятали фотокамеры и ушли под крышу. Сильвия грела одну руку в кармане, а другой откидывала мокрые волосы со лба. Она улыбалась, но в глазах ее не было ни капли веселья и ни толики доброты или сочувствия.

– Ты бы воздержался от шуточек в адрес Гарри, – заметила она едко. – Он единственный друг, который у тебя остался. Сам хоть понимаешь?

– Гарри тут ни при чем, – устало отмахнулся Дуглас.

– Ты ведь понимаешь, что он – один из наших?

– Из каких наших?

– Из Сопротивления, болван! – выпалила Сильвия и расхохоталась при виде его реакции.

Какая-то женщина, толкающая перед собой тележку с мешком угля, оглянулась на них и заторопилась дальше.

– Гарри?!

– Да, Гарри Вудс, помощник самого Скотленд-ярдского снайпера, прихвостня гестапо, неусыпно следящего за всеми, кто осмелится показать язык вслед оккупантам!.. Представь себе, этот человек смеет противостоять фрицам!

Она подошла к фонтану и посмотрела на свое отражение в воде.

– Ты точно напилась, – констатировал Дуглас.

– Разве что пьянящего воздуха свободы.

– Смотри, как бы голову не вскружило.

Ее мелодраматичное позерство было даже почти смешно. Вероятно, так находил выход страх, который она пережила во время проверки.

– В общем, ты пригляди там за нашим дорогим Гарри, – крикнула она нервно. – И передай ему вот это – со всей моей любовью.

В ее руке мелькнул пропуск. Прежде, чем Дуглас успел опомниться, она размахнулась и зашвырнула красную «корочку» в самую середину фонтана. Тяжелые капли дождя так сильно ударились о мостовую, что над ней зависло серое облако мелких брызг. Сильвия быстро зашагала в сторону Национальной галереи.

Сквозь пелену дождя Дуглас едва различил под водой красный уголок среди брошенных туристами монеток, коробочек из-под фотопленки и оберток от мороженого. Если пропуск найдет какой-нибудь немецкий офицер, выволочка будет всему отделу. Пару секунд Дуглас колебался, а потом все же полез, рассудив, что все равно уже вымок до последней нитки, так что купание в фонтане погоды не сделает.

Глава 5

Вернувшись в кабинет, Дуглас едва успел привести себя в порядок и сменить мокрую обувь, как получил сообщение со второго этажа. Генерал Келлерман желал переговорить с ним, если это удобно. Дугласу было удобно. Он бегом поднялся наверх.

– А, инспектор Арчер, как мило, что вы зашли! – воскликнул Келлерман, словно Дуглас был высокопоставленным гостем, почтившим его своим визитом. – Я смотрю, денек у вас сегодня выдался насыщенный.

Старший офицер штаба положил перед ним распечатку с телетайпа. Келлерман бегло проглядел ее и сказал:

– Насчет этого нашего нового товарища... штандартенфюрера Хута... Помните, я вам о нем говорил?

– До последнего слова, сэр.

– Вот и чудно. Штандартенфюрер получил внеочередной билет на сегодняшний рейс из Берлина в Кройдон. Прибудет, как мне думается, около пяти. Не могли бы вы встретить его в аэропорту?

– Конечно, сэр, но... – Дуглас осекся, подбирая слова.

Он хотел спросить, не сочтет ли штандартенфюрер СС из центральной службы безопасности Гимmlера оскорбительным, что его встречает простой британский инспектор полиции.

– Об этом попросил он сам, – добавил Келлерман.

– Чтобы его встретил лично я?! – изумился Дуглас.

– Его задача здесь – разведывательного толка. Поэтому я решил, что будет уместно выделить ему в помощники своего лучшего детектива. – Келлерман улыбнулся.

На самом деле Хут действительно потребовал себе именно Арчера. Келлерман сопротивлялся изо всех сил, однако спор оборвало прямое вмешательство Гимmlера.

– Благодарю вас, сэр.

Келлерман вынул из кармана твидового жилета золотые часы и посмотрел на циферблат. Дуглас тут же понял намек.

– Я поеду прямо сейчас.

– Да, будьте любезны. Только сперва зайдите к моему секретарю, он введет вас в курс дела по поводу всех приготовлений.

У «Люфтваффе» было три ежедневных рейса между Лондоном и Берлином – это не считая сообщения менее удобными и менее престижными военными самолетами. Штандартенфюрер доктор Оскар Хут получил одно из пятнадцати мест на рейсе, вылетавшем из Берлина в середине дня.

Дуглас ждал в неотапливаемом здании аэропорта, наблюдая, как оркестр люфтваффе готовится приветствовать ежедневный самолет из Нью-Йорка. Только немцы располагали авиацией, способной на длительные беспосадочные перелеты, и министерство пропаганды стремилось выжать из этого все возможное.

Дождь продолжал лить, но на горизонте в облаках появился просвет. Берлинский самолет кружил над полосой, пилот принимал решение о посадке. Наконец, после третьего круга большой трехмоторный «Юнкерс» с ревом прошел над зданием аэропорта, аккуратно сел на мокрый асфальт и, блестя вручную отполированными боками, подъехал к терминалу.

Дуглас почти ожидал, что человек, упоминающий в своем официальном ранге докторскую степень, будет отличаться хотя бы подобием врачебного такта. Однако Хут оказался доктором юридических наук, и Дуглас сразу опознал в нем самого непримиримого офицера

СС – уж он таких успел повидать немало. В отличие от Келлермана, этот был в военной форме и, похоже, не имел никакой склонности к ношению штатской одежды. И форма у него была не черная, какую носили члены так называемых «общих войск» СС – в большинстве своем средних лет деревенщина, щеголяющая погонами на местечковых пьянках по выходным. Нет, на докторе Хуте был светло-серый китель, галифе и высокие сапоги. На манжете виднелась нашивка RFSS – знак личного штата подчиненных рейхсфюрера Гиммлера.

Чем-то этот долговязый человек напоминал портновский манекен – несмотря на то что форма, безукоризненно чистая и отутюженная, была отчетливо старой. Дуглас предположил, что лет ему около тридцати пяти. Из-за нависающих век глаза смотрелись полусонными, однако это с лихвой компенсировалось энергичной походкой, прямой осанкой и мощной атлетической фигурой. Под мышкой Хут зажимал короткую трость с серебряным набалдашником, а в руке нес большой чемодан. Пройгнорировав дверь, ведущую на иммиграционный и таможенный досмотр, он принялся долбить тростью по стойке и долбил до тех пор, пока не появился сотрудник «Люфтваффе» и не пропустил его в зону прилета.

– Арчер?

– Да, сэр.

Хут без особого энтузиазма пожал ему руку, как будто эта формальность была прописана в руководстве по обращению с местным населением, и спросил:

– Ну чего мы ждем?

– Э-э... ваш багаж.

– Какой еще багаж? В смысле, охотничьи ружья, клюшки для гольфа, рыболовные снасти? У меня нет времени на подобную ерунду. Вы на автомобиле?

– Да, машина ожидает.

Дуглас указал на стеклянные двери терминала, за которыми был припаркован блестящий «Роллс-Ройс» с личной маркировкой Келлермана и водителем в форме.

– Надо же, Келлерман выделил свою личную тарантайку, – прокомментировал Хут, устраиваясь в салоне. – А сам-то сегодня во что пересел, в королевскую карету?

Английский у него был превосходный. Такое безукоризненное произношение можно перенять только от англоговорящих родителей – или любовницы. И все же, несмотря на внешний лоск, Дуглас чувствовал, что в изучение языка этим человеком вложен тяжелый труд.

Как выяснилось в последующей беседе, отец Хута был профессором современного языкознания. Оскар Хут родился и жил в Шлезвиг-Гольштейне до тех пор, пока эти земли не отошли к Дании по итогам Первой мировой войны. Тогда семья переехала в Берлин. Хут изучал право сначала там, а затем в Оксфорде – куда Дуглас поступил несколько лет спустя. Несмотря на некоторую временную разницу, у них даже обнаружили общие знакомые и общие воспоминания об университетских стенах. К тому же мать Дугласа в юности служила гувернанткой в Берлине, и Дуглас немного знал этот город по ее рассказам.

– Над чем вы сейчас работаете? – как бы между прочим поинтересовался Хут, глядя в окно.

В Норвуде был затор, машина замедлила ход. Длинная очередь ожидала под дождем, когда привезут хлебный паек. Дуглас был почти уверен, что Хут это как-то прокомментирует, но Хут лишь сжал кулак и постучал кольцом-печаткой по стеклянной перегородке между пассажирскими местами и водителем.

– Сирену включи, остолоп! – крикнул он. – Мне до вечера тут торчать?

– Сейчас в работе двое погибших во вторник на станции метро «Кентиш-таун», – начал отчитываться Дуглас. – Упали на контактный рельс. Сперва классифицировали как убийство, затем я пришел к выводу, что это двойное самоубийство – мужчина был беглым из лагеря британских военнопленных в Брайтоне. – Дуглас поскреб щеку. – Перестрелка в ноч-

ном клубе на площади Лестер-сквер в субботу ночью. Стрельбу вели из автоматической винтовки, около ста пятидесяти выстрелов – патронов у них явно хватало. По всем признакам конфликт между бандами. Собственник заведения утверждает, что выручка составляла около шести тысяч фунтов – учитывая, что он наверняка скрывается от налогов, я бы эту цифру удвоил. Управляющий и кассир погибли, трое посетителей получили ранения, один все еще в больнице.

– А что там с убийством Питера Томаса? – спросил Хут, продолжая глядеть в окно на улицы под серым дождем.

– Это случилось только сегодня утром, – поразился Дуглас.

Хут кивнул.

– Пока из опрошенных соседей лишь один заявил, что слышал выстрел, хотя врач предполагает, что смерть наступила около трех часов ночи. При убитом найдены документы на имя Питера Томаса, но есть основания предполагать, что документы поддельные. В полицейских архивах имя не значится. С отпечатками пальцев сейчас работают. Также при нем был железнодорожный билет из Брингл-Сэндс. Это небольшой прибрежный курорт в Девоне.

– Я прекрасно знаю, где находится Брингл-Сэндс, – резко сказал Хут, не отрываясь от окна.

И опять Дугласа поразила такая осведомленность – сегодня утром он сам понятия не имел, что такое Брингл-Сэндс, и разыскивал городок по атласу.

– Продолжайте, – велел Хут, не глядя на него.

– В квартире найдены предметы из военного снабжения. Ничего особенного. То, что в наибольшем ходу на черном рынке: сигареты, алкоголь, талоны на горючее. Сосед дал письменные показания, что в квартире часто бывал некий фельдфебель люфтваффе. Предоставил описание. Я отправил сержанта в полевую жандармерию выяснять этот вопрос. Теперь остается ждать, сочтут ли они необходимым вести расследование своими силами или мы можем продолжать.

– Давайте подробнее про убийство.

– По всем признакам, убийца проник в пустую квартиру и подкараулил жертву.

– По всем признакам... Но вы так не считаете?

Дуглас пожал плечами. Как объяснить немецкому офицеру, сколько трудностей с такими расследованиями? За малейшую провинность теперь полагаются настолько суровые наказания, что даже обычно законопослушные граждане готовы отчаянно врать. Дуглас Арчер понимал это и вместе со всей британской полицией закрывал на многие мелочи глаза.

– Я предполагаю, что убийство как-то связано с махинациями на черном рынке, – только и ответил он, хотя чутье подсказывало ему, что не все так просто.

Хут повернул голову от окна и улыбнулся.

– Думаю, я начинаю понимать ваши методы, инспектор. Значит, убийство связано с махинациями на черном рынке. В субботу был конфликт между бандами. Во вторник – двойное самоубийство. Так у вас в Скотленд-Ярде принято? Рассовывать по таким вот ящичкам дела, которые в противном случае пришлось бы сложить в большую некрасивую папку с надписью «не поддающиеся раскрытию»?

– Я не утверждал, что они не поддаются раскрытию, штандартенфюрер. По моему мнению, такие дела как раз довольно просты – если в них не вовлечен персонал вермахта. При таких обстоятельствах у меня связаны руки.

– Какой убедительный предлог, – произнес Хут.

Дуглас подождал. Продолжения не последовало.

– Будьте добры пояснить, сэр.

– У вас в мыслях нет связывать это убийство с «махинациями на черном рынке», – презрительно бросил Хут. – Человек на вашем месте знает в лицо каждого проходимца в Лон-

доне. Если бы это имело хоть малейшее отношение к черному рынку, вы бы уже взяли под локоток кого-нибудь из воротил и распорядились бы выдать убийцу в течение пары часов, а иначе пригрозили бы впаять лет десять для острастки. Ну? Можете объяснить мне, почему вы этого не сделали?

– Нет.

– Что значит «нет»?

– Я не могу объяснить вам, потому что сам не знаю. Все указывает на черный рынок, но... у меня есть ощущение, что не все так просто.

Внимательно глядя на Дугласа, Хут большим пальцем приподнял надо лбом козырек фуражки. Он был красив, однако слишком бледен – как свойственно людям, проводящим жизнь за конторским столом в плохо освещенных помещениях. Его лицо почти сливалось с воротником зеленовато-серой полевой немецкой формы. Не имея возможности прочесть, что творится в голове у этого человека, Дуглас испытывал неприятное ощущение, что его-то Хут как раз видит насквозь. Но взгляда отводить не стал. Прошла, казалось, целая вечность, и Хут наконец произнес:

– И что вы намерены делать?

– Если полевая жандармерия установит личность этого фельдфебеля, решение будет принимать военно-полевой суд люфтваффе.

Хут пренебрежительно махнул рукой.

– Из Берлина передано распоряжение вернуть дело к вам.

Вот это уже было совсем поразительно! Вермахт ревностно оберегал право самостоятельно расследовать все дела, касающиеся своих людей. То есть служба безопасности рейхсфюрера – разведывательный орган СС – достигла практически невозможного, распространив свою юрисдикцию не только на СС, но и на штурмовые отряды и членов нацистской партии. И даже они никогда не пытались вести дела против состоящих в армии. Приказать люфтваффе передать дело на рассмотрение полиции мог лишь один человек – вождь немецкого народа и верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии. Адольф Гитлер.

Дуглас не знал, что и предположить. Преступление совершил кто-то из высших нацистских эшелонов? Или, может, родственник, помощник, любовница кого-то влиятельного?

– А есть версии о личности убийцы? – осторожно поинтересовался он.

– Ваше дело – этого человека найти, – отрезал Хут.

– Но почему такое внимание именно к этому преступлению? – настаивал Дуглас.

– Совершено преступление, – устало ответил Хут. – Думается мне, для англичанина этого должно быть достаточно.

В голове Дугласа роились страхи и противоречия. Ему совсем не хотелось расследовать это жутко важное убийство, да еще и в компании дышащего ему в затылок офицера СС. Увы, его мнения на этот счет не спрашивали.

Робкие солнечные лучи пробивались сквозь тучи и сияли на мостовой. Под звуки громкой полицейской сирены водитель гнал мимо высоких стен крикетного стадиона «Овал».

– В половину восьмого я приеду отвезти вас в отель «Савой», там будет прием в вашу честь, – сообщил Дуглас. – Ваша квартира в Мейфэре, на Брук-стрит. Генерал Келлерман предположил, что по пути вы захотите взглянуть на Букингемский дворец и Парламент...

– Генерал ваш – деревенский мужлан, – светским тоном изрек Хут по-немецки.

– Следует ли понимать, что ехать нужно мимо дворца или...

– Следует понимать, мой дорогой инспектор, что у меня нет ни малейшего желания проводить вечер в компании офицеров и их расфуфыренных жен, которые будут заедать шампанское копченым лососем и советовать мне, где лучше закупаться стаффордширским фарфором. – Все это Хут произнес по-немецки, использовав слово *fressen*, каковым обычно

описывают поглощение пищи домашним скотом. – Показывайте мне мое рабочее место. А еще пригоните лучшего патологоанатома, чтобы сегодня же вечером провел вскрытие. – И добавил, заметив ошеломленное выражение на лице Дугласа: – Ничего, инспектор, скоро вы привыкнете к моим методам.

Дуглас подумал, что и к желтой лихорадке можно привыкнуть, хотя многие в процессе умирают.

– То есть мне отменить прием?

– Хотите лишить Келлермана и его друзей вечеринки? Ну что вы за человек, инспектор! – Издав короткий смешок, Хут снова забарабанил по стеклянной перегородке. – Вези в Скотленд-Ярд! – крикнул он водителю.

Глава 6

В то самое время, когда генерал Келлерман, глава полицейского управления и командующий СС по Великобритании, устраивал светский раут для высших лондонских чинов, почетный гость, для приветствия которого все это затевалось, в белом мясницком фартуке стоял в морге на задворках Бейкер-стрит и наблюдал, как патологоанатом сэр Джон Шилдс вскрывает труп Питера Томаса.

Морг располагался в мрачном приземистом здании, отделенном от Паддингтон-стрит площадкой, где разгружались медицинские фургоны и катафалки. Внутри стены были перекрашены такое множество раз, что сделались гладкими и блестящими – неровности кирпича полностью скрылись под бесчисленными слоями зеленого и коричневого. Гладким и блестящим был и начищенный деревянный пол, и каменные лестницы. Тусклые электрические лампочки проливали маленькие лужицы желтого света. Единственным действительно ярким источником освещения была медная лампа с зеленым плафоном, опущенная к самому животу трупа.

Вокруг собрались девять человек: Хут, сэр Джон Шилдс и его ассистент, Дуглас Арчер, сотрудник коронерской службы, клерк, два работника морга в резиновых фартуках и сапогах и маленький суетливый немец – майор полиции, прилетевший в этот день из Гамбурга. Он все записывал в блокнот и непрестанно требовал перевести ему бесстрастные комментарии сэра Джона.

В общем, народу у стола было слишком много, и Дуглас с готовностью уступил свое место в первом ряду. Не любитель подобных зрелищ, даже отводя взгляд, он с трудом сдерживал дурноту от звуков пилы и ножа, с чавканьем вспарывающих мертвое тело.

– Кровоизлияние, – провозгласил сэр Джон, указывая ножом. – И еще. И еще.

Все с пристальным вниманием уставились во вскрытый живот.

– Хм... Не нравится мне его печень... – Сэр Джон ухватил печень, вырезал и поднес к свету. – Что скажете, доктор? – обратился он к ассистенту.

Гулкое эхо его голоса отдавалось под потолком. Ассистент потыкал печень скальпелем и принялся разглядывать в увеличительное стекло. Сэр Джон наклонился и понюхал труп.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил Хут.

– Бедняга был серьезно болен, – констатировал доктор. – Очень интересно. Никогда не видел ничего подобного.

Маленький немецкий майор строчил в блокноте. Все записав, он тоже изъявил желание взглянуть на печень через увеличительное стекло.

– Сколько ему оставалось до отказа печени? – спросил он по-немецки.

Хут перевел.

– О, я бы воздержался от прогнозов, – ответил сэр Джон. – Знаете, народ с убитой печенью бывает чертовски крепким – у меня в клубе таких полно, еще всех нас переживут! – И он хохотнул.

– Это не шутка, – сказал Хут. – Он был болен?

– Несомненно.

– Смертельно болен?

– Я бы дал ему не больше пары месяцев. Вы согласны, доктор?

Ассистент сэра Джона выразил свое согласие шумным вздохом и легким кивком.

Хут приобнял майора за плечи и увел пошептаться в сторонку. Сэр Джон явно расценил это как вопиющее нарушение этикета и ничуть не пытался скрыть свое возмущение.

Вернувшись к столу, Хут объявил сэру Джону, что все внутренние органы Питера Томаса должны быть упакованы и готовы к отправке в Берлин на следующий день самолетом из Кройдона.

– В таком случае мне здесь больше делать нечего, – объявил сэр Джон Шилдс.

– Поймите меня правильно, сэр Джон, я ничуть не хотел вас обидеть, – произнес Хут с неожиданной учтивостью. – В Берлине нет специалистов вашего уровня. Я очень надеюсь, что вы и ваш коллега согласитесь продолжить осмотр, чтобы к утру у нас было ваше заключение.

Сэр Джон сделал вдох полной грудью и выпрямился во весь рост. Он всегда делал так в суде, прежде чем размазать какого-нибудь самоуверенного хлыща с адвокатским дипломом.

– Ни о каком моем участии не может быть и речи, пока этот труп находится здесь, а не в полностью оснащенной больничной лаборатории с полным штатом сотрудников.

Хут лишь молча кивнул.

– И даже в этом случае потребуется много времени, – продолжал сэр Джон. – Все лондонские больницы сейчас работают на износ, а по каким причинам – я лучше тактично умолчу в присутствии вас и вашего гамбургского коллеги.

– Именно поэтому я уже договорился с госпиталем СС у Гайд-парка, – произнес Хут с тем же церемонным кивком. – Их лаборатория в вашем полном распоряжении. У подъезда ожидают два автомобиля и медицинский фургон. Также у вас будет телефонная линия, по которой вы в любой момент сможете запросить любые дополнительные материалы и персонал.

Сэр Джон долго смотрел на Хута, прежде чем ответить.

– Хотел бы я думать, бригадир, что такая неожиданная щедрость со стороны немецкой армии является выражением признания моих академических заслуг. Однако боюсь, что причина ее скорее кроется в вашем особенном интересе к обстоятельствам смерти этого человека. Именно поэтому я был бы очень признателен, если бы вы сообщили мне то, что вам уже известно.

– Штандартенфюрер, – сказал Хут. – Мое звание – штандартенфюрер, не бригадир. Могу сообщить вам одно, сэр Джон. Я еще больше вашего не люблю загадки и особенно все, что касается загадочных смертей.

– Эпидемия? – спросил сэр Джон. – Заразное заболевание? Вирус? Чума? Моровая язва? – Он слегка повысил голос. – То есть вы уже видели подобные симптомы?

– Некоторые мои люди видели нечто подобное, – признал Хут. – Что же до чумы и моровой язвы... мои эксперты говорят, что мы можем иметь дело с чем-то пострашнее Черной Смерти.

Глава 7

В Скотленд-Ярд они вернулись уже после полуночи. Лишь тогда Дуглас убедил Хута все же взглянуть на кабинет, отведенный для него в мезонине. Комната была великолепна. Из окон открывался вид на Темзу и здание Совета Лондонского графства на другом берегу. В подготовку были вложены колоссальные усилия, генерал Келлерман лично дважды проверил, чтобы все было в безукоризненном порядке – стол розового дерева отполирован, хрустальные плафоны вымыты, ковер почищен. На тумбе красовался новенький телевизионный приемник «Телефункен» в ожидании, когда возобновит работу Би-би-си – обещали к Рождеству. Внизу за створками прятались бокалы из уотерфордского хрусталя и ряд бутылок. «Ему ведь понравится, правда?» – вопрошал Келлерман хриплым шепотом, который так хорошо умел воспроизводить Гарри Вудс. «Конечно, сэр! Кому бы не понравилось!» – заверял его старший офицер штаба, которого Келлерман любил называть своим «руководителем аппарата».

– Очень мило, – саркастично изрек Хут, зайдя в кабинет. – Идеальное местечко, чтобы запереть меня подальше и не дать ни во что вмешиваться. О, как вижу, даже телефон идет через коммутатор генерала.

– Вас не устраивает месторасположение кабинета? – уточнил Дуглас.

– Уберите всю мебель и барахло, – распорядился Хут. – Не рабочее место, а викторианский бордель. Келлерман думает, что я буду сидеть здесь и пить, пока не включится телевидение?

– Тут есть подключение к кабельному каналу. Можно использовать для передачи полицейской информации – фотографий подозреваемых и тому подобного.

– А может, вас в министерство пропаганды устроить? – предложил Хут. – Не желаете?

– Подумаю об этом на досуге, – серьезно ответил Дуглас.

– Короче, мебель – убрать. Поставить несгораемый шкаф с хорошими замками, металлический стол с запирающимися ящиками и нормальную настольную лампу вместо этого вот безобразия. Вы будете сидеть в смежном кабинете, так что обустройте там все по своему усмотрению. Установите телефонные аппараты: должно быть четыре прямые линии. Пусть проведут сюда с вашего прежнего рабочего места. В коридоре поставить стол и стул, чтобы караульному не приходилось стоять. И где, кстати, караульный?

– Караульный, сэр?

– Ну что вы все повторяете, как болван! – взорвался Хут. – Расследование убийства Питера Томаса является частью операции с кодовым названием «Апокалипсис». Никакая информация о нем – вообще никакая! – не покидает пределов этой комнаты без письменного разрешения от меня или рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Вы поняли?

– Понял и запомнил, – ответил Дуглас, теряясь в отчаянных догадках, что за всем этим может стоять.

Хут улыбнулся.

– А на случай, если память все же подведет вас, в коридоре будет круглосуточный вооруженный караул. – Он взглянул на часы и с досадой прибавил: – Который уже должен был заступить на дежурство. Так. Звоните командующему службы охраны СС в Кэнон-Роу. Пусть немедленно пришлют караульного и еще полдюжины человек, чтобы мебель вынести.

– Едва ли там найдутся рабочие в такое позднее время.

Хут приподнял фуражку и смерил Дугласа взглядом из-под тяжелых век. Этот жест был признаком надвигающейся опасности.

– Опять шутите? Какая-то очередная провокация?

Дуглас пожал плечами.

– Хорошо, я позвоню.

– Я буду в третьем конференц-зале с майором Штейгером. Передайте начальнику охраны, что к моему возвращению мебель должна быть заменена.

– Где же мне сейчас взять несгораемый шкаф и стол? – спросил Дуглас.

Хут повернулся, чтобы уйти – как будто вопрос даже не стоил его внимания.

– Проявите инициативу, инспектор, – бросил он через плечо. – Пройдитесь по коридору, загляните в каждую дверь. Увидите то, что нужно, – берите.

– И утром будет жуткий скандал. Придут забирать свою мебель обратно.

– На этот случай перед дверью будет караульный, выполняющий приказ рейсхфюрера СС не выносить ничего из этой комнаты. В том числе мебель.

– Понял вас, сэр.

– Из моего чемодана достаньте картонный тубус. В нем маленькая картина Пьеро делла Франческа. Ее нужно поместить в раму и повесить на стену. Прикрыть ею хоть кусочек этих жутких обоев!

Дуглас не удержался от вопроса:

– Подлинная?

Он слышал много историй о произведениях искусства, награбленных после боев в Нидерландах, Польше и Франции.

– Подлинный Пьеро делла Франческа в кабинете полиции? – переспросил Хут. – Едва ли это было бы уместно, вы не находите?

И вышел, не дожидаясь ответа.

Дуглас позвонил начальнику охраны и передал распоряжения Хута, сопроводив дружественной подсказкой, что штандартенфюрер очень торопится. Начальник охраны заметно испугался. Очевидно, сообщение от Келлермана об особо важной персоне было воспринято весьма серьезно.

Дуглас подошел к окну и посмотрел на безлюдную набережную – комендантский час распространялся на всех, кроме членов парламента и посменных работников ключевых служб и отраслей. Улица и мост были пусты, лишь стояли ряды припаркованных служебных автомобилей да вооруженный патруль обходил освещенный периметр правительственных зданий. Мотоцикл с коляской затормозил у блокпоста на въезде на Вестминстерский мост и после краткой проверки с ревом умчался в ночь. С той стороны реки Биг-Бен громко пробил очередной час. Дуглас зевнул, размышляя о том, как людям вроде Хута удастся так легко обходиться без сна.

Он полез в чемодан за репродукцией Пьеро делла Франческа, но не успел даже раскрыть тубус, как вдруг заметил большой коричневый конверт с красной сургучовой печатью, оттиск на которой невозможно было спутать ни с чем. РСХА, Главное управление имперской безопасности, святая святых Генриха Гиммлера. Конверт был уже вскрыт сбоку, из него торчал край сложенной бумаги.

Искушение было слишком сильно. Дуглас вытащил из конверта большой лист, развернул и обнаружил на нем огромную сложную диаграмму, начертанную черными несмываемыми чернилами. Бумага была ручной работы, тяжелая и плотная, как пергамент. Даже со своим блестящим немецким Дуглас не смог разобрать написанное мелким почерком, но некоторые символы оказались ему знакомы.

Два наложенных друг на друга и повернутых в разные стороны равносторонних треугольника, вписанные в двойную окружность. Внутри два слова, образующие крест – «Элохим» и «Цебаот». Дуглас раскрыл серию связанных с черной магией убийств в тридцать девятом году и потому сразу опознал пентаграмму, символизирующую «бога армий, природного равновесия и гармонии чисел».

Вторая пентаграмма сопровождалась человеческой головой с тремя лицами, венцом и сосудом, изливающим воду. Помимо прочей водной символики, сбоку от руки была приписка: «Лаборатория Жолио-Кюри – Коллеж-де-Франс, Париж». А рядом с другим водным знаком – «Компания «Норск-Гидро», Рjukan, Центральная Норвегия».

Далее следовало изображение горки земли, лопат и алмаза, пронзенного магическим мечом с надписью *Deo Duce Comite Ferro*¹ – эмблема, обозначающая «всемогущество посвященного», а рядом две рунические молнии – символ СС – и надпись «РСХА Берлин».

Третьим символом была спираль, в которую закручивалось название «Кларендонская лаборатория, Оксфорд, Англия», а выше значились слова «Transformation», «Formatio» и «Reformatio». Ниже изображалось некое крутящееся устройство и была надпись «немецкий военный реактор в Англии» и нацарапанная карандашом приписка «Питер Томас».

Дуглас резко выпрямился, услышав стук немецких сапог по каменной плитке коридора. Кое-как сложив диаграмму, он сунул ее обратно в конверт, а конверт – на положенное ему место. Времени на аккуратность не оставалось.

В дверь постучали.

– Входите, – крикнул Дуглас, разворачивая репродукцию делла Франческа.

На пороге появился офицер СС и отапортовал:

– Шесть охранников и караульный прибыли в распоряжение.

– Штандартенфюрер Хут желает, чтобы отсюда убрали всю мебель, – сказал Дуглас. – Замените железной мебелью из других кабинетов на этаже.

Офицер не выразил ни малейшего удивления. Дуглас подумал, что этот крестьянский сын из Гессена без вопросов выполнил бы приказ немедленно прыгнуть из окна. Он снял китель и вместе со своими дюжими молодцами принялся за работу, а вооруженный караульный занял пост перед дверью.

Дело было почти закончено к двум часам, когда с приема в «Савое» приехал Гарри Вудс. Дуглас с беспокойством отметил, что напарник слегка пьян.

– Вот уж правду говорят, новая метла по-новому метет, – изрек Гарри, наблюдая за суесящимися вокруг эсэсовцами. – Такого переполоха тут не было с той самой ночи, когда началось вторжение.

– Не знаешь, где можно быстро достать раму?

Гарри взял картину за края. Это было полотно «Бичевание Христа». На прекрасной, залитой солнцем площади среди белоснежных колонн римляне избивают плетью Христа, а на переднем плане, обратившись к этой сцене спиной, невозмутимо беседуют три богато одетых человека – предположительно герцог Урбино и два его советника. На самом деле этих советников подозревали в организации убийства герцога, и много веков знатоки искусства ломали копыя по поводу скрытого значения картины. Дуглас подумал, что это как нельзя более подходящее украшение для кабинета придворного рейхсфюрера СС, присланного сюда вершить суд и расправу.

Гарри выразил те же мысли более простым языком.

– Занятный субчик, – пробормотал он, разглядывая картину.

– Придется к нему привыкнуть, – сказал Дуглас.

– Он сейчас там внизу, в третьем конференц-зале. Шушукается с писклявым майором, еще и в морг его с собой таскал. Это что вообще за птица?

– Понятия не имею, – признался Дуглас.

– Вид у них такой, будто вот-вот небо на землю рухнет.

Гарри достал сигареты и протянул пачку Дугласу, тот покачал головой. Теперь, когда табак продавался по карточкам, стрелять у друга папироску стало дурным тоном.

¹ «Бог мне хозяин, а меч – товарищ» (лат.). – Здесь и далее прим. переводчика.

– В чем дело-то, шеф? – спросил Гарри, закуривая. – Ты-то наверняка знаешь?

– А может, ты знаешь больше меня? Я встретил Сильвию. По ее словам, у тебя большие связи.

Если Гарри и догадался, что именно сказала о нем Сильвия, виду он не подал – как не выразил и удивления по поводу того, что пропавшая секретарша все-таки объявилась. Не исключено, что она и с ним успела повидаться.

– Я тебе вот что скажу: этот майор не имеет ни малейшего отношения ни к медицине, ни к патологической анатомии, – заявил Гарри. – И мне очень интересно, за каким чертом Хут потащил его в морг – шутки ради?

– Ты очень скоро на собственном опыте поймешь, что наш новый штандартенфюрер не большой любитель шуток.

– Странные дела тут творятся, шеф. Сам видишь. Не положено водить на вскрытие разных там радиотехников! И я бы высказал это Хуту прямо в лицо. Не положено, и все тут. Ты вот думаешь, у меня кишка тонка, а я бы так и сказал! – Гарри слегка покачнулся и положил руку на стол для опоры.

– Радиотехников? – переспросил Дуглас.

– Пф! – фыркнул Гарри с пьяным самодовольством. – Я видел его досье. На парня нацепили форму, но это так, для отвода глаз. Я позвонил в «Люфтганзу», выяснил его личный номер из списка пассажиров, поднялся наверх и глянул, что там на него есть.

– Ты видел его досье?

– Ну ладно, не то чтобы прямо все досье. Его карточку в картотеке. Этим же если сказать, что ты из гестапо, они все что хочешь выложат. Представляешь?

– Ты не из гестапо, – напомнил Дуглас.

Гарри махнул рукой.

– Короче, там черным по белому: «радиотехник, доктор наук». У фрицев куда ни плюнь – сплошные доктора, ты заметил? Окончил Тюбинген. В полицию поступил всего-то год назад, прямо из университета Мюнхена, где лекции читал.

– Не учат радиотехников в Тюбингене. И не читают они лекций в университете Мюнхена.

– Ну ладно, ладно, ладно, – сдался Гарри. – Я все ж не так хорошо знаю немецкий, хотя архивную карточку прочесть в состоянии. Посмотри сам, ты же у нас эксперт.

И с хитрой улыбкой жестом фокусника, извлекающего кролика из шляпы, он достал из-за пазухи карточку.

Дуглас взял ее и стал молча изучать.

– Да ладно, шеф, улыбнись! – подначивал его Гарри. – Ты ошибся, а я прав, признавайся!

– Этот майор – физик, – медленно произнес Дуглас, пытаясь уложить неожиданную информацию в голове. – Специализируется на радиоактивных веществах. И читал лекции по ядерной физике.

– Тогда что-то я вообще ничего не понял, – сказал Гарри и почесал нос.

– На руке у Питера Томаса были ожоги. При вскрытии сэр Джон их не упомянул. Возможно, майора привели специально, чтобы взглянуть на них.

– Это те ожоги, что от ультрафиолетовой лампы?

– Да не от лампы, Гарри. Это очень плохие ожоги. Такие бывают от опасного облучения – от радия или чего-то такого.

В дверь снова постучали – офицер СС вернулся сообщить, что телефонная служба подключила и проверила четыре новые прямые линии. Не успел он это сказать, как аппарат на столе у Хута зазвенел. Дуглас взял трубку.

– Кабинет штандартенфюрера Хута, говорит инспектор Дуглас Арчер.

– Арчер, о, прекрасно! Это генерал Келлерман. Штандартенфюрер у себя?

Дуглас посмотрел на часы. То, что Келлерман звонит в такое время, было просто невероятно – он не имел склонности решать рабочие вопросы в законное время отдыха.

– Штандартенфюрер в третьем конференц-зале, сэр.

– Ну мне так и доложили... – Повисла долгая пауза. – К сожалению, он велел не переключать туда звонков. То есть ко мне, понятное дело, такие распоряжения не относятся, однако не хотелось бы устраивать неприятности работникам на коммутаторе, да и аппарат в конференц-зале, похоже, неисправен.

Дуглас понял, что Хут запугал телефонистку своими «прямыми приказами рейхсфюрера» и для верности еще снял трубку с рычага. Понял он и то, что в его собственных интересах помочь генералу сохранить лицо.

– Вероятно, аппарат не работает, потому что телефонная служба меняла линии.

– Что?! – взвизгнул Келлерман. – Среди ночи?! Это как понимать?! – Он взял себя в руки и продолжил уже по-немецки начальственным тоном: – Извольте пояснить. Что еще за махинации с телефонными линиями в мое отсутствие? Я хочу знать, что там у вас происходит. Доложите немедленно!

– Организационные моменты, генерал, – ответил Дуглас. – Штандартенфюрер пожелал, чтобы мы с сержантом Вудсом переехали в соседний с ним кабинет. Поэтому потребовалось перевести наши телефонные линии наверх и проложить две дополнительные. Внешние номера в таких случаях всегда оставляют неизменными – для работы с осведомителями и всего такого прочего...

Из трубки откуда-то сбоку послышался капризный голосок – женский и отчетливо молодой, не имеющий ничего общего с голосом фрау Келлерман, на той неделе улетевшей из Кройдона в Бреслау провести матушку.

– Ну если просто организационные моменты, тогда ничего, – быстро сказал Келлерман, накрыл трубку ладонью и после краткой паузы продолжил: – Вы сопровождали штандартенфюрера вечером?

– Да, сэр.

– И в чем проблема, инспектор? Он не явился в «Савой».

– У штандартенфюрера много срочной работы, требующей немедленного внимания.

В эту секунду в кабинет вошел Хут. Взглянул на сержанта Гарри Вудса, задремавшего у стола, на трубку в руке Дугласа и выразительно приподнял брови.

А Келлерман на том конце провода выяснял:

– Как думаете, инспектор, мне лучше приехать? Я ведь могу положиться на оценку ситуации своим верным сотрудником?

Хут попытался выхватить телефон, но Дуглас вцепился в трубку и успел сказать:

– Штандартенфюрер вернулся, сэр.

Хут кашлянул и произнес:

– Я слушаю вас, генерал. По какому вы вопросу?

– Дорогой мой Хут, наконец-то вы нашлись! Я лишь хотел...

Но Хут перебил его:

– Генерал Келлерман, вы сейчас в уютном теплом доме, в уютной теплой постели с уютной теплой женщиной. Оставайтесь там и дайте мне спокойно делать свою работу.

– Просто на коммутаторе...

Хут опустил трубку на рычаг и посмотрел на Дугласа.

– Кто дал разрешение обсуждать рабочие дела с посторонним?

– Это же генерал Келлерман...

– Откуда вам знать, кто это? Вы слышите голос в трубке. Я уже знаю из достоверных источников, что ваш пьяный товарищ, к примеру... – он ткнул пальцем в сторону ошара-

шенно моргающего Гарри Вудса, – умеет весьма убедительно имитировать манеру генерала изъясняться по-английски.

Повисла пауза. Если Гарри Вудс и сохранил намерение высказать Хуту все, что думает о присутствии всяких там переодетых физиков на вскрытии, он явно отложил это до следующего раза.

Хут повесил фуражку на крючок за дверью и сел.

– Повторяю в последний раз. Нашу здесь работу вы не будете обсуждать ни с кем. Теоретически вы можете свободно говорить с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. – Хут вытянул руку с тростью и игриво ткнул Гарри в грудь. – Вы в курсе, кто это, сержант? В курсе, кто такой Генрих Гиммлер?

– В курсе, – прорычал Гарри.

– Но это лишь теоретически, – продолжил Хут. – На практике же вы даже ему ничего не скажете. Разве что в случае моей смерти. И только после того, как лично осмотрите мой холодный труп и удостоверитесь в полном отсутствии признаков жизни. Ясно?

– Ясно, – быстро ответил Дуглас.

Он боялся, что Гарри Вудс сейчас дойдет до точки кипения и набросится на Хута и его воздетую трость с кулаками.

– Любое нарушение этой инструкции будет считаться преступлением, которое, согласно параграфу сто тридцать четвертому приказа о военном положении верховного главнокомандующего Великобритании, карается расстрелом. А также преступлением, за которое во втором параграфе вашего же «Закона о чрезвычайных полномочиях в связи с немецкой оккупацией» от сорок первого года полагается казнь через повешение в Вандсвортской тюрьме.

– Что сначала? – уточнил Дуглас. – Расстреляют или повесят?

– Оставим и суду возможность принять какое-то решение, – ответил Хут.

Глава 8

Когда-то Севен-Дайлс считался опасным районом, вотчиной насилия и пороков. Теперь же это были просто нищие задворки театрального Лондона. Дуглас знал и это место, и его жителей еще со времен своей работы рядовым констеблем, но тогда он и представить не мог, что однажды сам здесь поселится.

Когда его загородный дом, оказавшийся как раз меж двух путей танковой атаки на Лондон, был разрушен, миссис Шинан предложила им с сыном свой кров и стол. Муж ее, в мирное время служивший в полиции, пошел на фронт и в прошлом году попал в плен при Кале. С тех пор он находился в лагере военнопленных в Бремене, и никаких перспектив освобождения пока не было.

Когда Дуглас Арчер вернулся на Монмаут-стрит в маленькую квартирку над свечной лавкой, стол был накрыт к завтраку. Миссис Шинан одевала маленького Дугги и своего сына Боба у жарко натопленного камина. Комнату украшали гирлянды сохнувшего после стирки белья. Дугги кутался в знакомое полосатое полотенце – одну из немногих вещей, которые его отец смог выудить из-под обломков дома. Оно напоминало о счастливых временах, о которых теперь Дуглас предпочел бы вовсе забыть.

– Папа! Ты работал всю ночь? Убили кого-то, да?

– То самое убийство в антикварном магазине, мистер Арчер?

– Да, то самое.

– Вот! Говорил я тебе, Дугги? – воскликнул Боб. – В газетах писали!

– Не дергайся, – велела ему миссис Шинан, застегивая пуговицы на кофте мальчика.

Дуглас помог ей одеть маленького Дугги. Закончив это дело, миссис Шинан наклонилась к кастрюле.

– Вы ведь всмятку любите, мистер Арчер?

Беседы с ним она поддерживала строго в формальном ключе.

– Я уже ел яйца на этой неделе, миссис Шинан. Помните? Глазунью из двух штук в воскресенье.

Она выловила яйца гнутой ложкой и разложила по подставкам.

– Мне их соседка дала, ей из деревни родственники прислали. Она принесла мне шесть штук в обмен на ваш старый свитер, чтоб на пряжу распустить. Так что, по-хорошему, они все ваши.

Дуглас подозревал, что не было тут никакой соседки с родственниками, просто таким нехитрым образом миссис Шинан пытается накормить его из своего пайка, но за яйцо все же принялся. На столе стояла тарелка с нарезанным хлебом и лежал маленький кубик маргарина. Обертка его гласила, что это знак дружбы со стороны тружеников немецкой промышленности. Злоязыкие любители сливочного масла интересовались, не хотят ли сделать подобный дружеский жест труженики немецкого сельского хозяйства.

– А вот если бы убийство произошло на французском самолете, летящем над Германией, и убийца был бы итальянец, а жертва... – Боб на секунду задумался. – А жертва из Бразилии?

– Не говори с полным ртом, – одернула его мать.

По радио передавали вальс Штрауса по просьбе немецкого солдата из части в Кардиффе. Миссис Шинан выключила приемник.

– Или из Китая! – не унимался Боб.

– Не приставай к инспектору. Дай ему позавтракать спокойно.

– Решать будут юристы, – сказал Дуглас. – Я всего лишь полицейский. Мое дело выяснить, кто преступник.

- Миссис Шинан обещала сводить нас в субботу в Музей науки, – сообщил Дугги.
- Очень мило с ее стороны. Только дай слово, что будешь вести себя хорошо и слушаться.
- Он всегда слушается, – заверила миссис Шинан. – Они оба у меня очень хорошие мальчишки. – Она посмотрела на Дугласа. – У вас усталый вид.
- Ничего, я надеюсь на второе дыхание.
- Но вы же не пойдете сейчас на работу? Даже не поспав!
- Пойду. Мы расследуем убийство, это мой долг.
- Говорил же, говорил же, говорил? – завопил Боб. – Говорил я, что это убийство?
- Тихо, мальчишки!
- Меня ждет автомобиль, – сказал Дуглас. – Могу завезти вас в школу. Готовы выходить через полчаса?
- Автомобиль! Вас повысили?
- У меня новый начальник. Он любит, чтобы у его сотрудников были все условия. А у него самого в машине есть радиостанция. Может прямо по пути отправлять сообщения в Скотленд-Ярд.
- Слушайте, слушайте! – закричал Боб в восторге и приложил к уху воображаемую телефонную трубку: – Вызываю Скотленд-Ярд. Боб Шинан Скотленд-Ярду. Так, инспектор? Вот прямо так и говорит?
- Нет, сообщения передаются азбукой Морзе, – объяснил ему Дуглас. – То есть отправляют только «морзянкой», а получать можно и голосовые передачи.
- Надо же, чего только не придумают! – удивилась миссис Шинан.
- А какой у вас автомобиль? – спрашивал Боб. – Можно посмотреть? «Флаинг Стандарт», да?
- У полицейских разные бывают. Правда, пап?
- Правда.
- А можно из окошка глянуть?
- Доедайте хлеб и можете поглядеть.
- С радостными воплями мальчишки помчались в гостиную и высунулись на улицу, приподняв стекло.
- Ванна еще теплая, – сказала миссис Шинан. – Только дети помылись.
- И она неловко отвела взгляд. Как и многие, она воспринимала связанную с бедностью социальную деградацию острее всех прочих лишений.
- О, ванна бы сейчас сделала меня другим человеком! – сказал Дуглас, хотя на самом деле в Скотленд-Ярде теперь были душевые с горячей водой.
- А вам не устроят нагоняй, если завезете нас в школу?
- Все будет хорошо.
- Законы по поводу нецелевого расхода топлива такие суровые. Управляющего пунктом распределения угля на Нил-стрит приговорили к смертной казни! В вечерней газете вчера прочитала.
- Все будет хорошо, – повторил Дуглас.
- Она улыбнулась.
- Я больше года не ездила в автомобиле. С самых похорон дяди Тома, а это ведь еще до войны было. Как будто сто лет назад... – Она пересела поближе к камину и стала смотреть в огонь. – Дрова почти кончились. Но хозяин мастерской внизу одолжит несколько полешков, а на той неделе уже новые карточки выдадут.
- От еды, горячего чая и жаркого камина Дуглас начал клевать носом, однако голос миссис Шинан заставил его вздрогнуть и проснуться.
- Боюсь, мне нужно кое-чем побеспокоить вас, мистер Арчер.

Дуглас полез в карман, но она воскликнула:

– Нет-нет, деньги не нужны! Того, что вы обычно даете, вполне достаточно, а уж ваша дополнительная продуктовая карточка – это настоящее подспорье. – Она рассеянно пощупала, не остыл ли чайник под вязаным чехлом. – Вожу мальчиков на внеклассные уроки музыки по вторникам и четвергам. Длится по часу, стоят всего шиллинг в неделю, и ребятам, похоже, очень нравится.

Дуглас чувствовал, что поговорить она хотела совсем не об этом, но торопить не стал. Прикрыл глаза, как будто снова задремывая.

– Еще чаю?

– Нет, спасибо.

– Это немецкий эрзац. Говорят, его надо пить с лимоном. С молоком не очень вкусно, правда? – Она исчезла среди висячих садов постиранного белья, проверяя, как все сохнет и не пора ли перевернуть другой стороной. – Женщина с того конца улицы видела в прошлый понедельник, как через станцию Клэпхэм шел военно-санитарный поезд. Полные вагоны солдат, грязные все, форма рваная. А в самом хвосте два вагона с красным крестом, в таких лежаках возят... – Она зажала во рту прищепки, перевешивая детскую пижаму. – Получается, бои еще идут?

– Я бы не рассказывал об этом кому попало, миссис Шинан.

– Она не выдумала, я ее знаю. Она женщина умная.

– Понимаю, – кивнул Дуглас.

– И я не рассказываю кому попало. Только вам. Потому что вам всегда можно.

– В городах иногда взрывают бомбы и убивают немецких солдат. В сельской местности встречаются большие группировки, которые устраивают засады на немецкие моторизованные патрули. Но вряд ли они продержатся до весны.

– Из-за холодов?

– Огня зажигать нельзя, будет замечен дым. В лесу не укроешься, когда деревья голые. Зимой человеческие следы гораздо проще заметить с воздуха. А уж если снег пойдет...

– Бедные ребята, – вздохнула миссис Шинан. – Я слышала, в неоккупированных областях сейчас такая жуть, нет самого необходимого. А ведь зима еще даже не началась.

Она явно ходила кругами, желая что-то ему рассказать. Как любой хороший полицейский, Дуглас дал ей возможность собраться с мыслями.

– Учитель музыки у них очень молоденький. Тяжело ранен на войне, так что не хотелось бы мне на него жаловаться... Но он начал задавать мальчикам очень много вопросов, а я знаю, что вам это не понравится.

С Дугласа тут же сошла всякая сонливость.

– Вопросы? Какие вопросы?

– Ну вот вчера на уроке... У них там настоящий граммофон, и репродуктор, и все такое прочее, чтобы музыку слушать. И какой-то специальный помощник, который все это содержит в исправном состоянии. Потому и приходится лишний шиллинг платить...

– Как его зовут?

– Не знаю, мистер Арчер. Ваш Дугги вчера сказал, что учитель его расспрашивал. Про вас. Когда вы с работы возвращаетесь и все в таком духе. Я не стала из него вытягивать в подробностях, все-таки он такой чувствительный, а уж после того, как осиротел... Жалко мне его до слез, малыша. – Она вдруг тряхнула головой. – Наверное, я просто глупая старая курица. Не стоило вас беспокоить по пустякам.

– Вы правильно поступили, это не пустяки. Что были за вопросы?

– О, ну, в смысле, не *такие* вопросы. Он не из этих, я бы за милую почувствовала.

– Тогда какие же?

– По-моему, он пытался выяснить, нравятся ли вам немцы. – Миссис Шинан выпрямилась и пригладила волосы, глянув в зеркало. – Я не хочу впутывать этих двоих в неприятности. И я знаю, что вы ничего такого не сделаете. Просто если бы с вами или с Дугги что-то случилось, я бы себе не простила, потому и говорю.

– Вы очень рассудительная женщина, миссис Шинан. Многим сотрудникам полиции не лишним было бы взять с вас пример. Давайте поподробнее об этих двух учителях.

– Учитель только один, второй просто помощник. Оба воевали – думаю, в офицерском чине. Оба ранены. Один потерял руку.

– Какую?

– Правую. А до войны музыкантом был, играл на фортепьяно. Правда, ужас? Ему ведь не больше двадцати пяти, а то и меньше...

– Пожалуй, я все-таки приму ванну, миссис Шинан. Собирайте мальчиков, через пятнадцать минут выезжаем в школу.

Она вынула пальтишки детей из шкафа. Пальто Боба было совсем заношенным.

– Представляете, у Боба на той неделе пальто из гардероба украли. Пришлось старое достать. Велела им обоим впредь одежду брать с собой в класс. Таких людей вокруг полно, просто кошмар! Хотя вам ли не знать.

– А у того человека протез? – спросил Дуглас.

– Нет. Вообще руки нет у бедняжки...

Глава 9

Быстро заведя домочадцев в школу, Дуглас приехал в Скотленд-Ярд и немедленно разыскал молодого констебля Джимми Данна, которого собирался привлечь к расследованию в качестве сотрудника в штатском. Констебль Данн мечтал попасть в отдел уголовного розыска. Дуглас уже не раз с ним работал и остался о парне самого высокого мнения.

– Узнайте как можно больше об этом учителе музыки, – велел он. – Политические взгляды, романтические отношения, есть ли у кого-то из его друзей проблемы с полицией. Самому мне к нему не подобраться – видимо, он меня знает.

– Предоставьте это мне, сэр! – с энтузиазмом воскликнул Данн.

– Вполне вероятно, что тревога ложная, – прибавил Дуглас.

Не скрывая радостного волнения, Джимми принялся убирать со своего стола. Он был готов ежедневно перекладывать бумажки в администрации заместителя комиссара лишь потому, что она располагалась в мезонине, совсем рядом с уголовным розыском и «летучим отрядом» – то есть теми, кому доставалась настоящая работа.

– Ах да, Джимми, – произнес Дуглас уже в дверях. – Один шанс на миллион, что этот однорукий учитель может быть замешан в убийстве Питера Томаса. Так что возьмите-ка пистолет у наших коллег внизу. Ордер я вам выдам.

– Пистолет!.. – выдохнул Данн.

Дуглас не сдержал улыбки.

– Небольшой, Джимми, чтобы можно было легко спрятать. И достать только в случае крайней необходимости. По нынешним временам осторожность лишней не бывает. В городе и так слишком много огнестрельного оружия. Если, упаси бог, потеряете, шуму не оберетесь.

Тем временем Гарри Вудс в новом кабинете доблестно врал всем звонящим и входящим, прикрывая отсутствие Дугласа. Из приемной генерала Келлермана справлялись, на месте ли мистер Арчер, уже начиная с девяти утра.

Со стороны Уайтхолла доносился непрерывный стук молотков. В честь заключенного альянса между нацистской Германией и Союзом Советских Социалистических Республик Берлин объявил «неделю дружбы», в рамках которой намечались празднества во всех уголках двух обширных империй. На церемонии открытия в ближайшее воскресенье части вермахта и Красной армии должны были промаршировать по улицам Лондона в сопровождении хора с оркестром.

Город украшали по всему маршруту парада, но Уайтхолл-стрит и Парламентской площади особенно досталось. Над ними реяли сотни флагов, повсюду были геральдические щиты с серпом, молотом и свастикой, скрещенными над красным крестом Святого Георгия – такова была теперь официальная замена «Юнион Джеку» в зоне оккупации.

Гитлер предоставил советскому флоту стоянку в портах Росайт, Инвергордон и Скапа-Флоу. Министерство пропаганды Геббельса заявляло, что альянс с Советами явился естественным продолжением уз дружбы, связывающих два великих народа. Циники же говорили, что Гитлер просто хочет прикрыться русскими от Америки.

Празднования немецко-советской дружбы сулили Скотленд-Ярду очень много дополнительной работы, однако генерал Келлерман ничуть не растерял своей благодушной невозмутимости. Даже вернувшись с совещания в полевой комендатуре с портфелем, битком набитым приказами и распоряжениями, он сохранил способность шутить о том, сколько клерков согнали печатать эти безумные кипы бумаги.

Лавина приказов от военного командования по Великобритании (а также военной администрации, надзиравшей за действиями марионеточного британского правительства и

немецких чиновников) выдавала нарастающие страхи, что празднества могут стать поводом для терактов и провокаций. И все же яростное соперничество – если не сказать ненависть – между немецким генеральным штабом и организацией Гиммлера с ее полицейскими структурами не позволяло армии запросить от Келлермана больше, чем входило в рамки его обычных полномочий.

– Каково ваше мнение? – Вопрос Келлермана был обращен к Дугласу. – Вы знаете, инспектор, что со мной вы можете говорить откровенно.

На столе у генерала были разложены утренние газеты. Все передовицы занимала «неделя дружбы». Дуглас видел определенную иронию в том, что официальный рупор нацизма в Лондоне, газета «Ди энглише цайтунг», просто разместила объявление Берлина слово в слово на первой странице в красивой рамочке, тогда как британская «Дэйли уоркер» посвятила этому событию два разворота. Заголовок «Британские рабочие горячо приветствуют» предварял фотографии русских и британских чиновников, чье присутствие намечалось на церемонии открытия. Сталин также успел подмахнуть приличествующее случаю обращение. Те, кто помнил его поздравление фюреру по случаю поражения Франции, нашли очередное послание советского вождя не менее велеречивым.

– Как вы считаете, проблемы будут?

– От кого? – спросил Дуглас.

Келлерман усмехнулся.

– У режима есть враги, инспектор. – Он поскреб затылок, будто припоминая их имена. – И, вы не поверите, не все они сидят в генеральном штабе.

Он заулыбался, довольный своей шуткой. Дуглас не был уверен, ожидается ли от него соучастие в этом вопиющем очернительстве немецкого командования, и на всякий случай сделал вид, что ничего не понял.

– У нас будет много дополнительной работы, – продолжал Келлерман. – Берлин настаивает, чтобы мы выставили оцепление по всему маршруту. Мне даже интересно, кто у них там маршировать-то останется. – Он снова хохотнул, как будто мысли о трудностях немецкой армии были для него прекрасным способом поднять настроение. – А через каждые триста метров хотят поставить наряды жандармерии. Уж не знаю, как они собираются это провернуть.

– А полиция Большого Лондона, сэр?

– А полиция Большого Лондона останется при своих обычных полномочиях, вот только потребуется дополнительно выдавать пропуска.

– Какие именно?

– На протяжении праздничной недели жителям внешнего лондонского кольца будет разрешен доступ в центр. Пропуска будут действовать в течение дня, и, боюсь, выдавать их придется в участках.

Дуглас понимающе кивнул, представляя, в какой хаос вскоре погрузятся полицейские участки лондонских пригородов. Из-за ограничений на перемещения добрая половина города была отрезана от родни, проживающей в удалении от центра.

– Работу можно сократить вполтину, если разрешить выдачу пропусков, действующих всю неделю, – заметил Дуглас.

Келлерман вскинул глаза, и Дуглас быстро прибавил:

– Разумеется, исключительно по семейным обстоятельствам, признанным уважительными.

Келлерман долго смотрел на него, не произнося ни слова, и наконец на его лице появилась сухая улыбка.

– Разумеется, инспектор. Только в случае... как там? Ах да, уважительных семейных обстоятельств. – Келлерман покопался в стопке распоряжений полевой комендатуры и отыскал то, что касалось пропусков. – Что ж, я не вижу никаких причин не поступить именно так.

И он улыбнулся Дугласу. Оба понимали, что эта лазейка даст местным участкам возможность значительно сократить объем бумажной работы.

– К тому же пропуска по случаю такого знаменательного события – это прекрасные сувениры, которые люди будут хранить годами, – продолжил Келлерман. – Я поручу работу над бланком художнику из отдела пропаганды. Он сделает все в лучшем виде – побольше украшений, поменьше информации на корешке.

– Да, сэр, – сказал Дуглас.

– Конечно же, лично вас, инспектор, все это никак не коснется. Но ваше мнение для меня всегда ценно.

– Спасибо, сэр.

– Я знаю, что вы сейчас заняты работой, особо важной для рейхсфюрера. Поэтому взял на себя смелость освободить вас от прочих обязанностей.

– Вы очень добры ко мне, сэр.

– У вас усталый вид. Поздно легли?

– Вообще не ложился, сэр.

– Нет, ну это чудовищно! Я не могу допустить подобного обращения со своими сотрудниками – даже такому блестящему молодому таланту, как штандартенфюрер Хут! И уж тем более когда речь идет о моем самом лучшем детективе!

– Господин генерал очень великодушен.

Келлерман прошел к полукруглой стеклянной стене своего кабинета.

– Вы это видели? – поинтересовался он, указывая на Вестминстерский мост.

Мост был одет в леса. Целая толпа маляров перекрашивала его в золотой цвет, на опорах водружали свастику и красные флаги. Дуглас предполагал, что все эти ухищрения призваны отвести глаза от того, что происходит на реке и самом мосту. Вероятно, в день церемонии там будут сосредоточены отряды жандармерии, готовые в любой момент выдвинуться в зону беспорядков по земле или по воде.

– Вам нравится? – спросил Келлерман.

Дуглас вспомнил изречение древнего китайского стратега о том, что следует возводить для врага золотой мост, но от цитирования вслух решил воздержаться. Вместо этого он произнес:

– Я лондонец. И предпочел бы, чтобы все оставалось неизменным.

– Ценю вашу прямоту, – похвалил Келлерман. – Я бы хотел, чтобы вы всегда помнили, Арчер: в Скотленд-Ярде вы важный человек. Любое ваше предложение, любая жалоба будет иметь вес для людей на самом верху.

Келлерман раскрыл перед ним хьюмидор и на этот раз обошелся без своего обычного ритуала с зажиганием сигары. Дугласа не покидало ощущение, что генерал теперь относится к нему как-то иначе.

Подождав, пока Дуглас выберет, обрежет и раскурит сигару, Келлерман веско добавил:

– Ваш авторитет, инспектор Арчер, больше, чем вы, вероятно, предполагаете. В Берлине высоко оценили наши показатели раскрытия преступлений. А ваша роль в этом далеко не последняя.

– Я расследовал только убийства.

– А вы думаете, кроме убийств, на что-то смотрят? Успех полицейской службы и ее начальников оценивают исключительно на основании статистики раскрытия убийств. – Келлерман широко улыбнулся и поскреб румяную щеку. – Никого не волнуют действительно важные преступления – мошенничество, саботаж, поджоги, ограбления, вымогательство...

Нет же, всех интересуют одни лишь убийства, единственный тип преступления, так редко совершаемый профессиональными преступниками. Так что вы там в своем отделе убийств – очень важные птицы. И потому хитрый старый лис вроде меня всегда поручает расследование убийств самым лучшим детективам.

– Понял вас, сэр, – произнес Дуглас с сомнением в голосе.

– Это я все к тому, инспектор, что я за вас горой. Что бы ни случилось. Помните об этом. Если вам нравится работать под началом у нашего нового коллеги, хорошо. Но если вдруг что не так, обратитесь ко мне, и я мигом вас от него заберу. Уж найду, кого к нему приставить.

– Благодарю вас, генерал. Мне пока не на что жаловаться.

– Ну вы вообще не из тех, кто жалуется, инспектор. Это мне хорошо известно. Просто знайте: моя дверь всегда открыта. Для вас.

– Спасибо, сэр.

От Келлермана Дуглас вышел с легким головокружением от недостатка сна, сладкого сигарного дыма и ударной дозы лести.

На столе перед Гарри Вудсом возвышался сугроб бумаг. В жандармерии, конечно, не думали, что убийство Питера Томаса может подпасть под юрисдикцию вермахта, пока Гарри не явился к ним с пачкой изъятых с места преступления талонов люфтваффе на бензин и письменными показаниями свидетеля об очкастом фельдфебеле и махинациях на черном рынке.

Обычно в подобных случаях военной и гражданской полиции удавалось договориться, и расследование отправлялось в ту организацию, к ведению которой относилась наиболее серьезная часть преступления. Убийство Питера Томаса по всем признакам должно было попасть в отдел уголовного розыска полиции Большого Лондона.

Но тут вдруг пришло экстренное сообщение по телетайпу из штаба верховного командования вермахта в Берлине с распоряжениями, в каждой фразе содержащими что-нибудь вроде «совершенно секретно» или «вопрос чрезвычайной важности». Абсолютно все документы и материалы по делу Питера Томаса надлежало передать штандартенфюреру Хуту в Скотленд-Ярд.

Разумеется, все, кому были адресованы эти распоряжения, прекрасно понимали: если заявить, что никаких документов по указанному делу нет, это будет воспринято в лучшем случае как медлительность и некомпетентность, а в худшем – как злостное неподчинение высокому начальству.

Так что Гарри Вудсу следовало бы не сыпать проклятиями, а отнестись с пониманием к людям, которые теперь слали ему ничего не содержащие папки и регистрационные карточки, бессмысленные служебные записки и прочие филькины грамоты, каждая из которых была зарегистрирована по всей форме с грифом «совершенно секретно» – так, чтобы отправителю было на что сослаться, если вдруг кто придет проверить.

Дуглас стал помогать Гарри разбираться с наиболее сложными документами. Некоторые формуляры на немецком они оба видели в первый раз. Обедать не пошли, сгоняли посыльного за чаем и сэндвичами и продолжили корпеть над бумагами. В такие часы оба забывали о разногласиях, и Гарри Вудс становился прежним, каким был до войны. Хут куда-то пропал. По словам секретаря, штандартенфюрер отбыл на срочное совещание, но Гарри был уверен, что немец задал всем работы и теперь отсыпается.

В половине третьего позвонил констебль Джимми Данн.

– Я его видел, сэр. Приблизиться, конечно, не стал, но проследил. Он ушел обедать со своим помощником. Директор говорит, у него урок во второй половине дня. А зовут его Джон Споуд.

– Молодец, Джимми, – похвалил Дуглас.

– И он не учитель. Временно устроился, жалование ему платят по дням. Взял в школе адрес. Сказал, что я из министерства образования, но вряд ли мне поверили. Сходил посмотреть, где он живет. Полуразрушенное здание в квартале Мэрилебон, на Мафекинг-роуд, недалеко от школы. Замки – одно название, коменданта не было на месте, так что я заглянул.

– И?

– Две комнаты, уборная на этаже. Не так плохо по нынешним временам. Грязновато, но вещи есть интересные. Например, очень красивый столик с инкрустацией, картины на стенах явно денег стоят. То есть я, конечно, не знаток антиквариата, сэр, однако вещи старые и в очень хорошем состоянии.

– Но он чист?

– Я на него ничего не нашел. Я бы сказал, что он чист, но не кошерен.

Так в английской полиции говорили о правонарушениях, на которые можно было закрыть глаза.

– Оставайтесь там, Джимми, – велел Дуглас. – Мне надо взглянуть самому.

Глава 10

Верхний этаж здания выгорел от зажигательных бомб. Сквозь зияющие дыры окон виднелись остатки перечеркивающих небо обугленных балок. Окна первого этажа были заколочены, как и у многих домов в этом районе, – цены на стекло стали неподъемными. Квартира подозреваемого находилась на третьем этаже. Дугласа привел туда Джимми Данн.

Он не ошибся, предположив, что мебель тут стоит денег. Комната содержала достаточно ценностей, чтобы одному человеку хватило лет на десять. Пожалуй, коллекция антиквариата тут была значительно лучше, чем в лавке Питера Томаса.

– Комендант дома еще не вернулся? – спросил Дуглас.

– Под дверью стоит бутылка молока. Похоже, он не ночевал.

Дуглас кивнул. По немецким правилам, после наступления комендантского часа в домах без особого на то разрешения могли оставаться лишь зарегистрированные проживающие, но это правило довольно часто нарушалось.

– Вам ничего здесь не кажется странным, Джимми? Или я просто старею...

– В каком смысле странным, сэр?

– В комнате дорогая старинная мебель, а на раковине треснутая мыльница. На полу бесценный ковер, а постель несвежая.

– Может, он просто скупердяй, сэр.

– Скупердяи нынче мыла вообще не покупают.

Дуглас стал рыться в ящиках комода, вороша рубашки и белье, преимущественно армейские.

– Должно же тут быть что-то личное... – приговаривал он. – Документы какие-нибудь, продовольственная книжка, пенсионное удостоверение...

– Большинство такие вещи с собой носит, – заметил Данн. – Дом всегда могут обокрасть, а восстанавливать бумаги тяжело и долго.

– Тем не менее он держит тут столько ценностей и даже не озаботился приличным замком. – Дуглас сунул руку в очередной ящик. – Ага! Что тут у нас?

Под старой газетой, которой было выстлано дно ящика, он нащупал конверт. Внутри оказалось полдюжины фотокарточек. Родители Споуда в саду загородного дома, рядом два маленьких ребенка. Мальчик на трехколесном велосипеде.

– Людям сложно решиться выбросить такие вещи, Джимми. Даже когда рискуешь жизнью, не так просто выбросить семью.

Следующая карточка представляла собой моментальный снимок жениха и невесты, слегка не в фокусе.

Дуглас внимательно просмотрел все фотографии. Самая большая была профессиональной – резкая, контрастная, напечатанная на глянцевой бумаге. На ней запечатлели группу лабораторных сотрудников в белых халатах, собравшихся вокруг человека преклонного возраста. Дуглас посмотрел на обратную сторону. На штампе стояла дата и предупреждение, что фотография является собственностью информантства, рядом был приклеен желтый прямоугольник бумаги с отпечатанной на машинке подписью: «Сегодня профессор Фрик празднует свое семидесятилетие. С ним в лаборатории группа коллег, которые работали над экспериментом, принесшим ему в минувшем году мировую славу. Посредством бомбардировки урана нейтронами с формированием бария и криптона он доказал прежде существовавшие теории о делении атомного ядра».

Такие узкоспециальные события редко представляли интерес для газетчиков. Дуглас проглядел приведенный ниже список ученых. Знакомых фамилий не было, за исключением

доктора Джона Споуда и доктора Уильяма Споуда. Он снова посмотрел на фото, изучая лица людей, которые шурились от солнца мирным, спокойным, давно канувшим в прошлое днем.

– Это он?

– Да, сэр. Точно он.

– Господи! А рядом с ним тот самый человек, которого убили в квартире над антикварной лавкой.

– Давайте я позвоню в информагентство и выясню, кто покупал у них эту фотографию? – предложил Данн. – Прислали ее именно сюда, на этот адрес.

– Стоит попробовать.

Дуглас еще раз осмотрел комнату. Нигде не отходили обои, нигде не было никаких признаков, что тут двигали мебель или приподнимали половицы. Ничего не нашлось в бачке унитаза, а на шкафах и под ковром лежал только слой пыли.

Дуглас подошел к широкому кухонному столу, задвинутому в самый угол, чтобы освободить пространство. Пощупал под столешницей, не приклеено ли там что-нибудь липкой лентой. Затем присел на корточки и заглянул.

– Посмотрите-ка, Джимми.

Кухонные столы, как правило, снабжаются встроенным ящичком для хранения столовых приборов. Был такой и здесь – незаметный с первого взгляда, поскольку именно этой стороной стол был придвинут к стене. Вдвоем с Джимми они с трудом отодвинули тяжелый стол и раскрыли ящик.

Он оказался довольно большим, и внутри действительно лежали вилки, ложки и сломанная взбивалка для яиц. Однако основное пространство занимала рука. Правая рука из легкого сплава, развалившаяся на части в том месте, где выпало крепление. И Дуглас, как заправский фокусник, достал из кармана это самое крепление и вставил на место.

Констебль Данн отреагировал именно так, как от него ожидалось, – он изумленно присвистнул.

– Ну что ж, этого мне достаточно, – заключил Дуглас. – Деталь была найдена на месте преступления. И выскочила, вероятно, в процессе борьбы.

– Выходит, он все-таки замешан в убийстве Питера Томаса?

– Теперь можно называть это убийством Уильяма Споуда, Джимми.

Дуглас убрал деталь обратно в карман, а протез руки – на место. В ящике он заметил бумажный сверток. Внутри оказалась старенькая, но рабочая и бережно хранимая камера «Лейка» и принадлежности к ней – объективы, фильтры, светозащитный кожух и аккуратно убранный в чехол складной штатив с четырьмя ножками и каким-то большим крепежным устройством в форме кольца.

– Это тоже денег стоит, – заметил Дуглас, кладя сверток на место.

– Камеры теперь вторая валюта, – проговорил Данн, когда они придвигали стол к стене. – Знаю человека, который купил пару дюжин. Все сбережения вбухал.

– Рискованное вложение.

– Ну бумажные деньги тоже. Так вы думаете, что свидетели лгали, опознав его как Питера Томаса?

– Мы ничего не докажем, – вздохнул Дуглас. – Они будут до последнего клясться, будто именно под таким именем его и знали. Но я табачный паек за месяц готов поставить, что это ложь.

– Почему, сэр?

– Все говорили одно и то же, Джимми. Слишком много свидетелей сошлись в показаниях.

– Может, потому, что это правда!

– Правда не бывает одинаковой. Так говорите, у этого Споуда сегодня еще урок?

– Должен быть, сэр. В школе его возьмем?

– Сперва я позвоню в Скотленд-Ярд. Мой новый начальник может изъявить желание присутствовать.

Предположение оказалось верным. Штандартенфюрер Хут, по словам Гарри Вудса, выдал «типичный набор эсэсовского лая».

Глава 11

Школа на Бич-Роуд представляла собой типичную викторианскую крепость, в каких большинство лондонцев проводили свои ученические годы. С одного бока к зданию примыкала полузаброшенная церковь, и мощеная площадка перед ее кладбищем служила школьным двором. «И мы обрекаем своих детей проводить золотое время юности в таком месте... Бедный мой сын», – угрюмо размышлял Дуглас.

Напротив школы располагалась чайная – когда-то уютная маленькая норка, пахнущая сигаретами «Вудбайн», свежими тостами и сгущенным молоком. Дуглас часто захаживал туда еще на заре своей карьеры в уголовном розыске. Прилавков тогда ломился от хлебного пудинга, нарезанного большими ломтями – тяжелыми, как свинец, и темными, как гроздовая туча. Теперь же старенький бак, из которого прежде наливался чай, содержал в себе лишь безвкусный эрзац, и в помещении было так холодно, что даже окна не запотевали.

– У нас в резерве четыре взвода пехоты, – говорил Хут. – Я пока велел им не привлекать к себе внимания. Остальные взяли квартал в оцепление.

Дуглас посмотрел наружу сквозь стеклянную дверь чайной. Солдаты были в полном боевом обмундировании, вплоть до полевых курток и ручных гранат на поясе. Вдоль Лиссон-Гроув выстроились грузовики, рядом с ними ожидали группы для проведения массовых арестов – с раскладными столами, переносными пишущими машинками и ящиками наручников.

Такова была официальная немецкая политика. «Обеспечение правопорядка должно быть демонстрацией ресурсов власти населению». Зная это, Дуглас все равно не ожидал такого масштаба.

– Наверное, стоило бы мне произвести арест одному, – сказал он.

– Я хочу, чтобы эти люди поняли: мы настроены серьезно, – отрезал Хут. – Все, идем его брать.

Они перешли через дорогу. Дуглас услышал смех кого-то из солдат и посмотрел туда, где ожидали штурмовые группы. Бойцы переговаривались, стоя в расслабленных позах, какие солдаты всегда принимают в минуты отдыха. А вдруг этим эсэсовцам дадут приказ открыть по школе огонь? Они подчинятся? Дуглас не сомневался: если он вообще что-то знает о детях, вся ребятня либо уже сгрудилась у окон, прижав к стеклам носы, либо ерзает на месте в ожидании разрешения повыскакивать из-за парт. Он оглядел все окна в поисках сына, но нигде его не увидел.

Как только они с Хутом вошли в вестибюль, им навстречу шагнул вахтер. Заметно было, как сильно он нервничает. В атмосфере чувствовалось напускное спокойствие, как будто все в школе получили приказ не обращать на окруживших здание военных никакого внимания.

– Чем могу помочь вам, джентльмены?

– Прочь с дороги! – рявкнул Хут. – Где директор? Под столом прячется?

– Штандартенфюрер, этот человек – фигурант моего расследования, – твердо произнес Дуглас. – Я должен настаивать на соблюдении гражданских прав. Я сам произведу арест.

Хут улыбнулся.

– Не волнуйтесь, мы не планируем застрелить его «при попытке к бегству», если вы на это намекаете.

Штандартенфюрер шагнул к дверям, за которыми скрылся вахтер, и проорал в полутемные коридоры:

– Давайте-ка поживей, господин директор, чтоб вас черти взяли! – Затем он обернулся к Дугласу и пояснил: – У нас к этому человеку слишком много вопросов, так что пока никак нельзя подвергать его жизнь опасности.

В коридоре появился директор.

– Как это все понимать? – спросил он тоном, которого Дуглас не слышал со школьной скамьи.

Хут смерил его взглядом, поднял трость и ткнул директора в грудь серебряным набалдашником.

– Не смей... – произнес он и сделал долгую паузу, – обращаться ко мне... – он говорил медленно, подчеркивая каждое ключевое слово тычком трости, – а также к моим офицерам подобным образом. Вы показываете своим ученикам дурной пример.

Директор вытаращил глаза, растеряв все спокойствие вместе с чувством собственного достоинства.

– Все из-за Споуда? – проямлил он, заикаясь. – Вы же за ним? Зачем я только дал ему работу?! От него одни неприятности...

– Где он? – Хут задал вопрос очень четко, будто обращаясь к маленькому ребенку.

– Кто, Споуд?

– Ну а кто еще-то? Или вы думаете, я зашел справиться у вас о местонахождении рейхс-маршала Геринга? – Долгая пауза. – Или о короле Англии? Вместе с королевой и принцессами?

– Нет-нет, конечно. Вы остроумны, герр полковник. О короле, ха-ха! Всем известно, что Его Величество и вся королевская семья сейчас в Виндзорском замке, в добром здравии. Я читал в газетах и дал понять своим сотрудникам, что не потерплю никаких подлых слухов, будто бы он заключен в Тауэре...

– Где Споуд? – повторил Хут, слегка приподнимая козырек фуражки, словно околыш чересчур стеснял ему голову.

– Споуд? – Директор издал нервный смешок. – Споуд? А вы не знаете? Он же в полицейском участке... – Несмелая улыбка сползла с его лица. – Разве нет? Сегодня утром ко мне приходили выяснять его домашний адрес.

Хут вскинул бровь и посмотрел на Дугласа. Тот кивнул. Директор в беспокойстве наблюдал за ними.

– Я, конечно же, сообщил всю имеющуюся о нем информацию, – быстро затараторил он, – и не думайте, что я критикую ваши методы, в мыслях нет! Я бывал в Германии до войны. И мне очень понравилось, как у вас там все устроено. В смысле, и сейчас нравится. То есть я не хочу сказать, будто в Англии что-то устроено неправильно, я имею в виду...

Дуглас подошел к ожидающему в уголке констеблю Данну и велел:

– Сбегайте-ка назад и заберите протез и фотографии.

Хут тем временем оборвал директорский лепет:

– Держите себя в руках. Где этот Споуд?

– Говорю же вам, герр полковник! Его вызвали в полицию. По телефону позвонили. Конечно же, я позволил ему отменить урок.

– По телефону, значит? А кто ответил на звонок?

– Мой секретарь. Я сразу вызвал к себе Споуда. Вы же понимаете, телефон в здании только один.

– И давно это было?

Директор глянул на часы, постучал по циферблату, поднес запястье к уху.

– Около часа назад.

Хут высунулся из дверей и дважды коротко дунул в свисток. Солдаты тут же припустили по двору, стуча коваными сапогами по брусчатке, и выстроились перед входом в

школу, как на параде. Возглавляющий строй офицер вскинул руку в том, что у немцев называлось «партийным приветствием».

– Вот этого болвана под арест, держать отдельно от остальных, – распорядился Хут.

– То есть звонили не из полиции? – Директор начал понимать, что произошло. – То есть это сообщники его? Боже мой... – Он вцепился в плечо Дугласа, ища защиты. – Меня обманули! Этот Споуд меня обманул! Объясните им! Вы же англичанин, я знаю, вы англичанин! Скажите им, что я ни в чем не виноват!

Дуглас застыл от стыда. Солдат оттащил от него директора.

– Разрешите хоть жене позвонить! – умолял несчастный, но его уже вели прочь.

– Взять всех учителей, – приказал Хут офицеру. – И старших детей. Нет никаких гарантий, что они в этом не замешаны. Иногда и пятнадцатилетние убивают наших, были уже случаи.

– Я попробую выяснить, где Споуд мог скрыться, – сказал Дуглас.

Хут с досадой махнул рукой.

– Он уже далеко теперь. Прятаться они хорошо умеют.

– Кто «они»?

– Террористы. – Так у немцев было принято именовать Сопротивление. – Нет, Арчер, идите к сыну. Он ведь тут у вас? Заберите, успокойте, надо ему объяснить.

Дуглас не удержался от горького восклицания:

– Объяснить!..

Он понятия не имел, как объяснить своему ребенку творящееся в мире безумие.

– У детей гибкая психика, – произнес Хут. – Не стоит пытаться оградить его от всего, потому что он растет без матери.

Дуглас не ответил, глядя, как солдаты гонят через школьный двор группу учителей. Грузовики задом въезжали в узкие ворота.

– В этом не было никакой необходимости, – сказал он. – Учителя невиновны и ничего не знают.

– Ну даже будь я с вами согласен, останавливать процесс уже поздно, – ответил Хут.

С грохотом опустился откидной борт грузовика. Первый из учителей полез в кузов. Он был уже в летах, и ему пришлось опереться на руку солдата. Из группы арестованных послышались одобрительные возгласы, старик застенчиво улыбнулся. Примерно так обычно и проходили массовые аресты. Людям было спокойнее проходить через эту процедуру вместе с друзьями и коллегами. Зная, что ни в чем не виноваты, они могли относиться к этому как к экскурсии, выездному мероприятию, вносящему какое-то разнообразие в череду монотонных будней. Солдаты тоже это понимали и даже поддерживали такой настрой – им самим было проще, если арестованные улыбались всю дорогу до изолятора.

– От девицы вашей больше ничего не слышно? – спросил Хут.

Дуглас оторопел и не нашелся, что ответить.

– Разумеется, я в курсе, что вы проделали на Трафальгарской площади! – нетерпеливо бросил Хут. – Она еще на связь выходила?

– То есть вы установили слежку за мной, а ее не выследили?

Хут скорчил болезненную гримасу.

– Не сыпьте соль на рану, друг мой. Она шустрая. И умная. Умнее того человека, которого к ней приставили.

– Одного человека?

– О, слышу голос профессионала! Да, моим людям есть чему поучиться. Они не поняли, что имеют дело с опытным агентом.

– Вы про Сильвию?

– А, так вы тоже не поняли? Да, это важная маленькая птичка. Следовало брать ее сразу, пока была возможность. Такие опасность издалека чувствуют.

– А она почуяла?

– Полагаю, ее предупредили. У них всегда есть кто-то, кто вовремя предупредит. Вот и Споуду позвонили... – Хут шмыгнул носом. – Но это ничего. Они будут предпринимать еще попытки. Им отчаянно необходимо выйти на контакт с вами, инспектор.

– Со мной?!

– Таково мое предположение. Судите сами, они так рискуют... Хотя в следующий раз наверняка уже не через девиц будут действовать. Подослать могут кого угодно. Так вот, когда вам сделают предложение, соглашайтесь. Соглашайтесь на все.

– Какого рода предложение?

– Вероятно, они хотят предпринять еще одну попытку освободить короля.

– Из Тауэра? – с сомнением переспросил Дуглас.

– Нет ничего невозможного. В начале прошлого месяца они подобрались с реки и почти добились успеха.

– Боже милостивый!

Это многое объясняло. Охрана короля была самой важной из вверенных генералу Келлерману обязанностей. И в прошлом месяце в подразделениях службы безопасности СС имели место какие-то серьезные пертурбации, многие высокие чины лишились своих постов.

– Им не стоит прибегать к террористическим атакам, – сказал Хут. – Переговорами они добьются большего.

– Вы думаете?

– Это не я думаю. Это сообщение, которое вы должны им передать.

– Я вижу сына, – произнес Дуглас.

– Возьмите мой «Мерседес». Мальчику понравится турбонагнетатель.

Но Дуглас вежливо отказался:

– Нам недалеко. И мне сейчас будет полезно немного проветриться.

Уходить он не спешил – боялся, что солдаты начнут рукоприкладство. Стоял в углу школьного двора и наблюдал, как группы арестованных грузят в машины. Там его и нашел Джимми Данн. Лицо молодого констебля покраснело, он тяжело дышал от быстрого бега.

– Ничего нет! – выпалил он, утирая пот со лба. – Ни протеза, ни камеры. Ящик пуст.

– Вы уверены?

– Еще бы! Он даже не потрудился стол обратно задвинуть. Наверняка успел все забрать, пока мы в Скотленд-Ярд звонили.

– Надо же, какое совпадение, – ядовито проговорил Дуглас.

Джимми уставился на него с непониманием.

– Это в смысле... – медленно начал он. – Вы же не думаете, что его предупредил кто-то из наших?

– Знать бы, – вздохнул Дуглас. – Что ж, по крайней мере, пользоваться этой рукой все еще нельзя. – Он на всякий случай нащупал в кармане жилета потерянную Споудом деталь. – Это ведь стандартный протез, какие государство предоставляет жертвам войны?

– Похоже на то.

– Значит, чтобы получить его, наш Споуд должен был назвать свое настоящее имя. В министерстве все сверяют со своими архивами. У военных спрашивают звание и номер части, у гражданских – документ с места работы, и у всех обязательно – имя. Свяжитесь с министерством, выясните, что на него есть. И если он обратится к ним за деталью, пусть сообщат мне сразу – прежде чем дадут ему ответ.

– Вряд ли он рискнет, – предположил Данн. – Слишком опасно.

– Да, это слишком опасно, – согласился Дуглас. – Как и вояж в свою только что обыванную квартиру с полицией на хвосте. Нет, этому типу очень нужна рука, он на многое пойдет, чтобы ее починить.

Тут Дуглас снова заметил сына и пошел к нему. Процедура массового ареста меж тем развернулась в полном масштабе. Поперек двора выстроились раскладные столы, всюду трещали пишущие машинки. Не только люди, но и все изъятые книги, папки – все до последней бумажки подвергалось тщательному документированию, и списки отправляли на подпись офицеру, ответственному за проведение операции. На лицах солдат явственно читалась скука. Они прекрасно знали, что это нудное и трудоемкое мероприятие, как и десятки подобных, не принесет никаких результатов, и главная его цель – дать населению понять, что любое противодействие нацистам приносит массу неудобств всем попавшим в зону поражения вне зависимости от степени вовлеченности.

Учителя в кузовах грузовиков уже не прятали беспокойство под стоическими улыбками. Многие высматривали, нет ли за оградой школы кого-то из друзей и родных, но солдаты жестко разгоняли всех зевак. Один из арестованных старшеклассников утирал слезы, и педагог негромко говорил ему что-то утешительное. Еще один, седовласый человек в очках с погнутой оправой, подмигнул парню и запел тонким надтреснутым голосом:

– Если весело живется, делай «хлоп»!

И он хлопнул в ладоши. На школьном дворе царила тишина, как на параде, так что пронзительное пение и одинокий хлопок прозвучали очень громко. И тут же кто-то подтянул:

– Если весело живется, делай «хлоп»!

Еще десяток пар рук хлопнули в ладоши. Заплаканный парень тоже стал подпевать. Немцы подняли головы от бумаг, посмотрели в сторону начальства в ожидании приказа вмешаться, и когда такового не последовало, продолжили работу.

– Если весело живется, мы друг другу улыбнемся! Если весело живется, делай «хлоп»!

Теперь распевали уже все арестованные.

– Выезжайте! – крикнул Хут.

Взревели моторы, и один за одним грузовики стали выкатываться со школьного двора под хор голосов – нестройных, дрожащих, напуганных, но все равно не сдающихся, и эта простенькая детская песня вселяла надежду в сердце каждого англичанина на пути автоколонны.

Если весело живется, делай «топ»!

Если весело живется, делай «топ»!

Если весело живется, мы друг другу улыбнемся!

Если весело живется, делай «топ»!

Колонна уже ехала в сторону Эджвер-роуд, однако до ушей Дугласа до сих пор доносились удары ног по днищам грузовиков. Он взял сына за руку – схватился за нее, как утопающий за соломинку. До этого момента ему удавалось работать с немцами без явных внутренних конфликтов. Все-таки он выполнял свои обязанности, ловил убийц, и у него не было причин для угрызений совести. Но постепенно, очень медленно, как в ночном кошмаре, его начинало затягивать в какую-то бездонную черную воронку. И выхода у него не было. По новым правилам уволиться из полиции стало невозможно. Те же, кто пытался, фактически оказывались под забором, без продуктовых карточек и разрешения на любую работу.

– Пап, больно, – сказал Дугги.

Дуглас извинился и разжал пальцы. Хотел бы он знать, осуждает ли его сын – с той немилосердной беспристрастностью, с какой все мы рано или поздно смотрим на своих отцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.